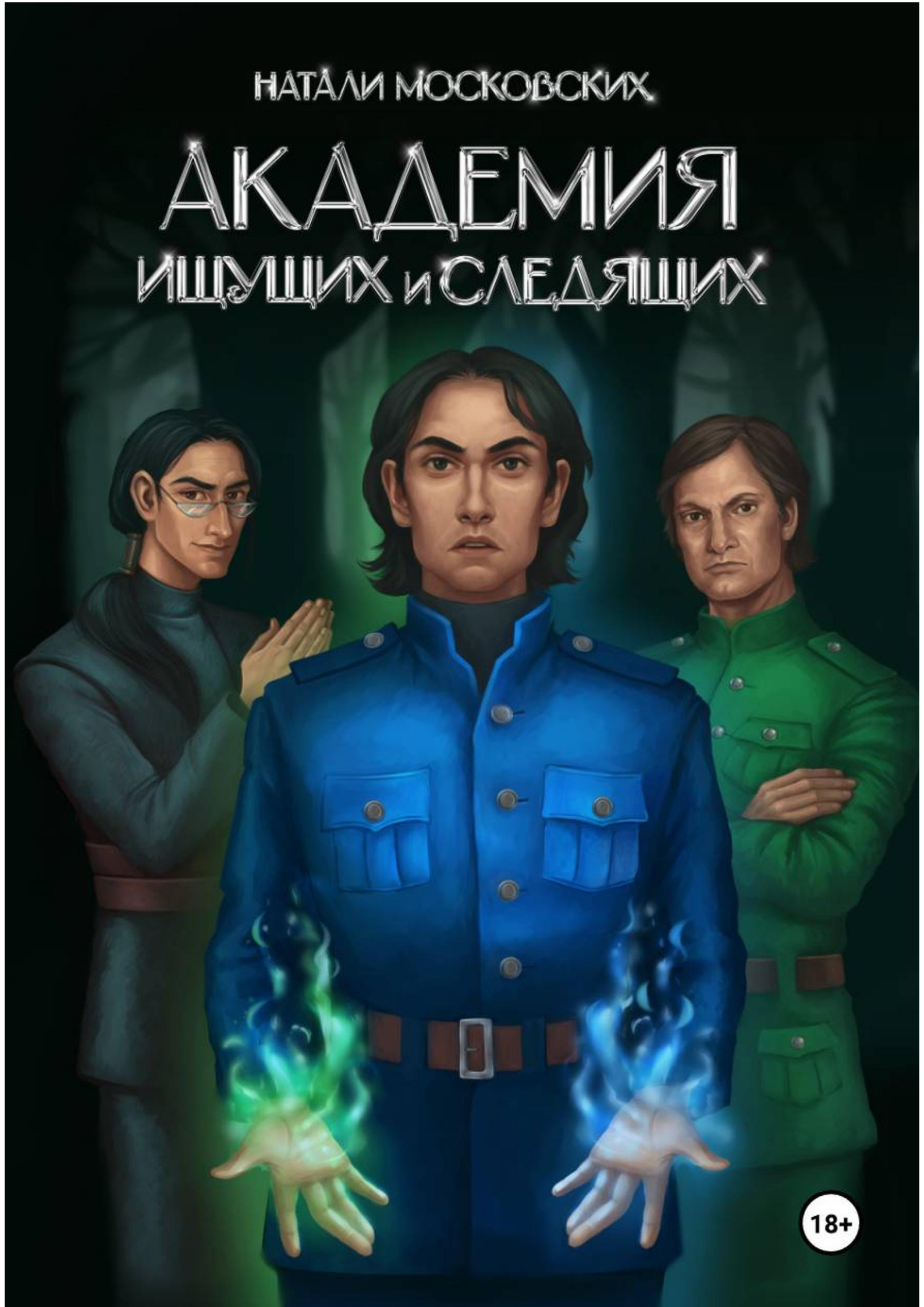
НАТАЛИ МОСКОВСКИХ

АКАДЕМИЯ ИЩУЩИХ И СЛЕДЯЩИХ



18+

Наталия Московских

Академия Ищущих и Следящих

«Автор»
2026

Московских Н.

Академия Ищущих и Следящих / Н. Московских — «Автор», 2026

Академия Ищущих и Следящих — место, где учатся продолжатели дела Святых. Задача Следящих — поддерживать в мире порядок и блюсти закон. Задача Ищущих — искать источники Скверны, порождающей монстров.Малкольм Кросс — курсант потока Ищущих. Он ненавидит свое прошлое и готов на все, чтобы бороться с чудовищами. Однако на распределении его отправляют на поток Следящих. У Малкольма есть год, чтобы доказать способности Ищущего и занять свое место там, где его настоящее предназначение.Малкольм спешит участвовать в расследовании жутких слухов, распространяющихся по городу. Но чем дальше, тем больше он осознает, что эти слухи имеют отношение и к нему.

© Московских Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Академия Ищущих и Следящих 5
Пролог 5
Глава 1 11
Глава 2 17
Глава 3 25
Глава 4 33
Глава 5 40
Глава 6 47
Глава 7 56
Конец ознакомительного фрагмента. 57

Наталия Московских
Академия Ищущих и Следящих

Академия Ищущих и Следящих

Пролог

Республика Октавия, деревня Рутгерд
18 сентября, 1874 год

Недалеко от крайнего деревенского дома у кромки леса начиналась полоска примятой высокой травы. Протаптывать начали недавно или ходили нечасто – плохо наметанный глаз и не заметит. Деревенские жители, например, не замечали, предпочитая пользоваться хожеными тропами, ведущими в изведанные участки леса. Оставалось только порадоваться людской пугливости: многих инстинктивно отталкивает страшная сила, исходящая из сгущающейся чащи. Они не могут почувствовать ее физически, однако отчего-то обходят стороной. И правильно делают. Все-таки людскую интуицию сильно недооценивают.

Тем не менее, кое-кого сюда занесло, и теперь можно только гадать, в каком виде этот «кто-то» встретит непрошеных гостей.

Герман Ленске глубоко вздохнул, мысленно подготавливаясь к тому, что увидит, и поправил на поясе темно-зеленого кителя дисковый револьвер. Через кожаную перчатку холод выдвинутого ствола было не ощутить, однако прикосновение к оружию, много лет служившему ему верой и правдой, придало уверенности. Его новый напарник состоял в рядах Ищущих всего полгода, поэтому предпочитал паровой карабин, веря, что оружие большего размера лучше помогает при встрече с осквернеными. Сразу видно: настоящих осквернённых он пока не встречал.

Герман улыбнулся уголком рта, подбадривая напарника.

– Чувствуешь? – спросил он.

Уточнять не требовалось. Из леса тянуло скверной так, что не почувствовать мог… разве что тот, кто никогда не сталкивался с этой дрянью.

Напарник отрывисто кивнул. Вид у него был напряженный, лицо побелело от волнения. Он сжимал карабин в руках с такой силой, что оружие слегка подрагивало. Герман, глядя на него, начинал сомневаться, что от напарника стоит ждать существенной помощи, когда они прибудут на место.

– Печати действуют на них эффективнее оружия, – на всякий случай напомнил он. – Но, если поймешь, что выстрелить будет быстрее, не медли. Запомни: что бы нас там ни встретило, оно, скорее всего, уже не человек.

Хуго Ирвинг снова отозвался кивком. Неразговорчивый малый. Предыдущий был словоохотливее, но его быстро перебросили ближе к столице. Дослужился. Хуго Ирвинга прислали на замену неделю назад и сразу направили с Германом на объездную инспекцию в захолустье. По дороге в эту глушь Хуго почти все время молчал. А жаль. Ничто так не скрашивает кочевой образ жизни Ищущего, как хорошая беседа с напарником.

Герман с тоской взглянул на последний газовый фонарь, светящий в нескольких метрах от крайнего дома, и понял, что придется погружаться в лес в сгустившихся сумерках. На поиски будет от силы полчаса: потом начнется непроглядная тьма, и осквернённый станет сильнее. По ночам они всегда сильнее – хотя бы потому, что прекрасно видят во мраке. Ищущие, разуме-

ется, ориентируются в темноте лучше обычных людей и могут подсветить себе дорогу зеленым пламенем печати, но до осквернённых им далеко.

– Идем, – позвал Герман и первым двинулся по примятой траве. Высокий кожаный сапог с плотной шнуровкой почти сразу угодил в воду по щиколотку, и Герман зашипел от омерзения. Повезло хотя бы, что не промок: обувь для Ищущих делали на совесть.

Хуго, заметив неверный шаг напарника, ловко перепрыгнул стоячую воду и оказался на замшелой мягкой земле подлеска. Герман оценивающе кивнул. Новичок хотя бы умеет не повторять чужих ошибок. Похвально.

Герман вытащил револьвер и повернул диск, взводя курок. Махнув в сторону густой чащи, он медленно двинулся на зов скверны, подмечая по пути следы, обломанные ветки и примятую траву. След осквернённого тянулся к источнику. Несколько секунд спустя, наткнувшись на внятный отпечаток обуви, Герман понял, что размер слишком маленький для мужчины. Стало быть, осквернённая – женщина. Плохо. Женщины агрессивнее мужчин, когда трансформируются.

Через пару десятков метров человеческие следы встречаться перестали. Герман обнаружил сначала один разорванный башмак, затем и другой, а после – лоскуты поношенного женского платья. На земле стали появляться более тяжелые отпечатки ног с длинными когтями, а на месте пятки оставался глубокий след, как будто в землю вогнали копье. Трансформация пошла быстро – значит, осквернённая приходила к источнику и впитывала его миазмы не один месяц. Осторожничала. То есть, понимала, что делала, но все равно ходила.

– Вот ведь зараза, – одними губами прошептал Герман. Хуго бросил на него напряженный взгляд, но ничего не сказал и от вопросов воздержался.

Герман продолжил прикидывать повадки осквернённой. Скорее всего, одинокая, неприметная. Мало с кем общалась, держалась особняком. Был бы муж – он бы заметил перемены и попытался сообщить Следящему. В таком случае его она бы укокошила первым, а на его пропажу отреагировали бы деревенские. Да, женщина определенно была одиночкой. Потому никто ничего не заподозрил и Следящему, как водится, не сообщил.

Герману захотелось сплюнуть. Ну, разумеется, сам Следящий в свою деревеньку наведаться не посчитал нужным. Они все такие. Им же требуется особое приглашение, чтобы оторвать зад от насиженного кресла в уютно обставленном кабинете…

Из чащи послышался тихий шорох, отвлекший Германа от ворчливых мыслей о Следящих. Он приподнял палец, командуя Хуго остановиться. Напарник замер, как вкопанный, взяв паровой карабин наизготовку. Как бы не начал палить без разбора от страха и не зацепил напарника вместо реальной цели. И почему Герману так часто приходится воспитывать новичков?

– Тссс, – тихо прошипел он и собирался указать в густое скопление деревьев впереди, однако не успел.

Высокая фигура вылетела из зарослей с угрожающим рыком, широко растопырив когтистые пальцы и расставив руки в стороны для смертельного объятия. Герман не смог рассмотреть осквернённую как следует. Ее черты не собирались в общий образ, он отметил лишь длинные спутанные темные волосы, массивные руки, дополнительные острые отростки на локтях и гротескно сильные ноги, полусогнутые в коленях. Он помнил о шиповидных наростах на пятках и подозревал, что они не уступают в остроте кинжалам.

И зубы. У них всегда были острые зубы.

Герман выстрелил наугад и промахнулся. Он успел метнуться в сторону и прокатился боком по настилу из осыпавшихся листьев. Крик Хуго пронзил лес ужасом и отчаянием. Прозвучал выстрел, которому вторил яростный вой. Хлюпающие звуки ударов означали только одно: осквернённая, даже если получила ранение, нашла свою цель и не собиралась ее упускать.

Герман вскочил на ноги и повернул диск револьвера.

– Проклятье, – прошипел он, наблюдая, как отдаленно напоминающая человека нагая фигура – удивительно высокая, с острыми торчащими ушами и будто состоящая из сплошных мышц, проступающих под ровной персиковой кожей – рвет на части молодого Ищущего. Земля и опавшая листва окрасились багрянцем крови, когтистые лапы осквернённой были измазаны почти по локоть. Взгляд Хуго уже опустел, хотя его тело продолжало конвульсивно подергиваться под атаками монстра.

Убедившись, что с одним непрошеным гостем она разделалась, осквернённая резко повернулась к Герману. Глаза – черные омуты с красной радужкой и пылающим угольком зрачка – лучились яростью и жаждой новой крови. Ноги чудища согнулись сильнее для рокового рывка. Герман помнил, как эта бестия прыгает, и понимал, что настичь его она может враз, несмотря на внушительное расстояние, разделявшее их.

Чудовище приготовилось. Герман отметил, что под ее кожей на спине проступает второй позвоночник.

– Дрянь, – выругался он, выпустив в осквернённую пулю. От раны она лишь дернулась и раздраженно зарычала. Этой заминки Герману хватило, чтобы выставить вперед левую руку ладонью вверх и резко развернуть ее, пробуждая малую толику скверны, таящуюся в нем самом.

Воздух загорелся зеленым пламенем, стремглав полетевшим в сторону осквернённой. Чудовище будто почуяло свою участь и попыталось отскочить, однако отросток пятки слишком глубоко увяз в земле, лишив ее хорошей маневренности. Печать Ищущего, приняв форму правильного круга, сковала осквернённую. Она изогнулась и завыла от боли и отчаяния. Источник звал ее к себе, а она рвалась к нему, как пьяница к последней капле сливовицы.

Герман повернул диск револьвера и медленно подошел поближе к плененной осквернённой. Печать Следящего могла бы обернуть трансформацию вспять, сделать ее снова человеком, помочь ее опознать. Но печать Ищущего может только удерживать и сжигать осквернённого болью. Чтобы вернуть ей человеческий облик, придется ее убить.

Осквернённая оскалилась и рванулась в сторону Германа, попытавшись оторвать от него кусок острыми, как пилы, зубами. Герман отклонился и направил револьвер прямо в центр лба чудовища.

– Дура, – покачав головой, сказал он.

Выстрел прозвучал громко, словно из пушки. Осквернённая дернула головой назад, замерла на долю секунды, а затем обмякла и повалилась на спину, рухнув прямо на тело Хуго.

Герман тоскливо вздохнул и убрал револьвер за пояс. Проверять напарника не было смысла: жизнь покинула его еще до того, как удалось поймать осквернённую в печать. Жалко было паренька, но Герман уже не раз видел смерти других Ищущих и сам бывал на волосок от гибели. С годами притерпелся к этому зрелищу, попривык.

Зеленый круг исчез, и тело осквернённой начало стремительно меняться, приобретая тот вид, который имело до трансформации. Женщина оказалась удивительно хрупкой, хотя по продавленным следам в лесу Герман представлял себе даму в теле. У нее были длинные темные волосы, спутавшиеся в массивный колтун, тонкое лицо со впалыми щеками, небольшой живот со следами старых растяжек, какой бывает у рожавших. Герман прищурился.

– Так у тебя еще и дети были, – пробормотал он.

Эта мысль не давала ему покоя, отвлекая даже от пьянящего чувства утекающей в землю скверны.

У нее были дети… она оставляла слишком тяжелые следы для своего хрупкого сложения. Неужели…

– Зараза, – прошипел Герман, догадываясь, с каким зрелищем столкнется у источника. Он ненавидел это больше всего в своей работе. Но выбора не было, источник необходимо запечатать, пока до него не добрался кто-то еще.

Герман прикрыл глаза и прислушался к своим ощущениям. Ноги сами повлекли его в нужную сторону – туда, где деревья образовывали более плотную стену и причудливо сплетались лысеющими кронами, тогда как другие росли так, чтобы образовывать узорчатую сеть промежутков, не смеющих сомкнуться под небом. Герман нашел брешь в природной стене и пробрался внутрь. В нос тут же ударил тошнотворно-сладковатый запах гниения: несколько тел разной степени разложения были свалены друг на друга и сильно истерзаны. Судя по всему, случайные любители грибов и ягод. Возможно, даже не местные, раз после их пропажи никто тревогу не забил. Но среди этих тел он так и не увидел то, чего боялся больше всего.

– Кого же ты тогда сюда несла? – тихо спросил Герман у воздуха.

Ответ дал о себе знать тихим шорохом листвы. Из кустов возле дерева у самого источника скверны на него таращилось два одичалых глаза мальчонки лет семи или восьми. Темноволосый, как мать, и ужасно худой с бледной, почти серой кожей, он смотрел на Ищущего, не мигая. Мальчик сидел в кустах на корточках и почти не шевелился. Угадывалась только дрожь маленького тельца: похоже, в своей легкой рубашонке и коротких штанишках он продрог до костей. Он сидел прямо рядом с источником и не обращал на него никакого внимания. Казалось, это даже не стоило ему усилий – в отличие от Германа, которого не приковывало к источнику только благодаря тренированной воле. Темные миазмы, пробивающиеся из-под набухшего земляного бугорка, не выглядели привлекательно, однако притягивали к себе взгляд и манили вдохнуть ядовитые испарения.

Герман собрался с силами.

Сначала мальчишка.

Он выглядел, как человек, но пустота его дикого взгляда и измазанный кровью подбородок сбивали с толку. Сколько он здесь пробыл? Насколько сильно отравлен? Герман был уверен, что ребенка нужно уничтожить, пока тот не потерял человеческий облик. В такие моменты он особенно жалел о главном законе, по которому мир жил с момента Великой Войны Святых: *скверна не изгоняется*. От нее нельзя излечиться.

Герман направил на мальчика револьвер, приготовившись спустить курок. Хотелось зажмуриться и выпустить пулю, не глядя. Темные глаза мальчика смотрели на оружие спокойно и бесстрастно. Он то ли не понимал, какая угроза над ним нависла, то ли уже ничего не боялся.

– Прости, – поморщившись, сказал Герман.

– Вы убьете меня? Как… маму?

Голос был хриплым и почти лишенным интонаций. Такие бывают у детей, которые видели смерть и поняли, что она такое.

Герман ощутил дрожь в руке, держащей револьвер. Секунду спустя он опустил оружие, громко выдохнув. Мысленно он отругал себя всеми бранными словами, которые помнил, а помнил он их немало. Возможно, сейчас он совершает самую большую ошибку в своей жизни.

– Так было нужно, парень. Твоя мама изменилась. Она стала монстром. Таких, как она, невозможно вылечить. Только убить, чтобы она не убила всех на своем пути. Поверь, она разорвала бы на части и тебя. Похоже, она этого не сделала, только потому что отвлеклась… на нас. Мой напарник встречу с ней не пережил.

Мальчик продолжал смотреть мимо Германа. На весть о смерти Хуго он никак не отреагировал. Значит ли это, что он теряет человечность? Или его просто волнует только смерть матери? Глядя на мальчика, Герман вообще не мог сказать, что его что-то волнует. Однако он не доверял своим суждениям: за годы работы он так и не научился хорошо понимать детей.

– Она не сделала мне больно. Даже когда изменилась, – тихо произнес мальчик.

Герман поджал губы и медленно покивал. В осквернённой, похоже, до последнего оставалось что-то человеческое. Хотя бы по отношению к собственному сыну. Это необычно.

– Как тебя зовут? – спросил он мальчика.

– Малкольм.

– А фамилия?

– Кросс.

Взвесив все «за» и «против», Герман убрал оружие за пояс и скользнул рукой под ворот форменной рубашки, достав кулон из грубого камня, висящий на длинном кожаном шнурке.

– Малкольм, я должен кое-что проверить. Это место… оно могло заразить и тебя. Возможно, ты этого пока не чувствуешь, но изменения могут скоро начаться. Я должен убедиться, что ты не опасен. Ты понимаешь?

Мальчик безразлично пожал плечами.

Герман сделал несколько шагов к нему и почувствовал, как камень кулона начинает нагреваться. Напитанный кровью Германа, на него самого он уже давно не реагировал. Значит, реагирует на мальчика… или на источник.

Еще шаг вперед – и кулон засветился красным.

Герман замер.

– Проклятье! – выдохнул он. Красный означал фатальную дозу отравления. Раз она стала заметной даже на расстоянии, Малкольм Кросс нежилец.

Мальчик уставился на красный светящийся камень. В нем не было страха, только безразличие и усталость.

– Я стану, как мама? – спросил он.

Герман задумчиво посмотрел на источник. Может, дело все-таки в нем? Он никогда прежде не проверял людей у самого источника скверны. Дети осквернённых часто оставались в домах, прятались поблизости или убегали в безопасное место, когда понимали, что с их родными творится что-то неладное. Но чтобы у самого источника – такого Герману видеть еще не доводилось.

– Погоди минуту, – скомандовал он. – И отойди чуть дальше отсюда.

Мальчик медленно распрямился и зашагал в противоположную сторону от источника. Его испачканное кровью лицо по-прежнему выглядело жутко. Герман следил за ним взглядом и, когда Малкольм начал обходить его, качнул головой.

– Оставайся в поле моей видимости.

Мальчишка послушно замер. Его взгляд оставался пустым и не выражал ни толики опасения.

Герман бросил кулон свободно болтаться на шее, сосредоточился на источнике и сделал характерное движение рукой. С его ладони сорвался зеленый свет и медленно поплыл в сторону поднимающихся из земли черных миазмов. Свет сделался плотным и приобрел форму сплошного круга. Герман направил его вниз, и тот заплаткой опустился на землю. По ногам снова прокатилась приятная пьянящая вибрация, и Герман задышал медленно и сосредоточенно, чтобы не поддаваться влиянию источника.

Прошло около двух минут, прежде чем вибрация исчезла и свет погас. Бугорок земли, выделявший миазмы скверны, опустился и перестал незримо пульсировать. Герман ощутил расслабление и покой, но заставил себя сосредоточиться. Он посмотрел на кулон, болтающийся на шее. Тот все еще был горячим и горел красным светом.

Герман повернулся к мальчику и с грустью посмотрел на него. Рука снова потянулась к револьверу.

– Прости, парень. Мне очень жаль.

Малкольм Кросс ничего не ответил. Он склонил голову, глядя на кулон на груди Ищущего.

– Свет поменялся, – тихо сказал он.

Герман снова медленно потянулся к кулону, не сводя глаз с мальчика. Если он теряет человечность, вполне может и обмануть. Вытянув кулон перед собой, Герман с удивлением обнаружил, что свечение стало зеленым.

– Подойди ко мне, – настороженно потребовал он.

Малкольм сделал к Герману несколько шагов и замер от него на некотором расстоянии. Герман снял кулон и приблизил его к мальчику. Свечение не изменилось: осталось ярко-зеленым. Герман резко выдохнул и невольно улыбнулся.

– Обошлось, – шепнул он. – Ты не станешь чудовищем. Камень реагировал на источник, а не на тебя. Хвала Святым!

– Я здоров?

Герман поджал губы. Как отвечать на этот вопрос? Скверна проникла в тело мальчика, но не в том количестве, чтобы превратить его в монстра. Однако в достаточном, чтобы окончательно и бесповоротно изменить его.

– Ты теперь такой же, как я, – нашелся Герман. – И рано или поздно сможешь делать то же самое, что я. Ты будущий Ищущий, Малкольм. Знаешь, что это такое?

Мальчик неопределенно пожал плечами. Видимо, он знал, что Ищущие и Следящие существуют, но плохо понимал, что они делают.

Герман убрал кулон под рубашку и протянул мальчику руку в кожаной перчатке.

– Идем со мной. Теперь за тебя отвечает республика. О тебе позаботятся и тебя обучат, как быть с тем, что в тебя проникло. Ты сможешь сослужить республике хорошую службу. Будешь выискивать скверну, запечатывать открывающиеся источники, чтобы ни с кем не случилось то же самое, что с твоей мамой. И тебе придется бороться с такими, как она.

Малкольм опустил взгляд в землю. Речь Германа не очень вдохновила его, и неспроста. Бывалый Ищущий никогда не был мастером агитационных речей, этим обычно занимались в академиях.

– Я не хочу никуда идти, – понуро произнес Малкольм. – Я хочу домой. Я хочу, чтобы мама вернулась, и все стало, как раньше.

Герман покачал головой.

– Увы, это невозможно. – Он продолжал держать руку протянутой и ждал, когда до мальчика дойдет, что выбора у него нет. – Ты должен отправиться со мной, и я обещаю, что тебе все объяснят. Я отведу тебя туда, где ты будешь в безопасности. Ты можешь мне доверять.

Несколько секунд Малкольм Кросс стоял, опустив глаза, и не решался взяться за руку Ищущего. Германа это не удивляло. Наверняка трудно довериться тому, кто только что убил твою мать. Любые объяснения, почему так было нужно, выглядят неубедительно для ребенка, у которого только что разрушился мир.

Наконец, Малкольм сделал несколько неуверенных шагов вперед и протянул маленькую худую ручонку навстречу Ищущему. Герману показалось, что мальчик очень хрупкий. С ним предстоит хорошенько поработать, чтобы сделать из него приличного курсанта. Но раз уж ему повезло не схлопотать смертельную дозу отравления скверной, он должен был преодолеть и те сложности, что ждали его в академии.

Поразмыслив несколько секунд, Герман поднял мальчишку на руки и направился прочь из этого треклятого леса, почти погрузившегося во тьму.

– Лучше закрой глаза и не смотри вокруг. Когда выйдем отсюда, покажешь мне свой дом, я немного поговорю с вашим старостой, мы с тобой съездим к Следящему и расскажем, что здесь произошло, а потом я отвезу тебя в академию, хорошо?

Мальчик не ответил. Герман услышал, как он тихо всхлипывает у него на руках.

– Все будет хорошо, Малкольм, – сказал он.

Ему очень хотелось в это верить.

Глава 1

Республика Октавия, Регенсбург
1 сентября, 1884 год

В лектории царила атмосфера застоявшегося нетерпения. Зрительские ряды пересекала полоса пустующих мест. Эти места никто не занимал – они служили водоразделом между курсантами, которые разбились на два профильных потока задолго до того, как это разделение проведут на официальной церемонии. На серых, застегнутых на все пуговицы облегченных мундирах гордо красовалась белая нашивка с одной единственной буквой – меткой предварительного распределения «И» или «С».

Профессор Эдвард Грофт медленно прошествовал от входной двери к сцене лектория и, заложив руки за спину, оглядел курсантов. Осмотрев пустующие места, он недовольно покачал головой, как это делали все преподаватели Академии Ищущих и Следящих. Все они увещевали курсантов, что до официального распределения и расселения в новые общежития при переходе на старшие курсы им не следует так явно межеваться друг от друга. Руководство академии старалось урегулировать этот конфликт между курсантами, обучая их вместе вплоть до старших курсов, заставляя их носить одинаковую униформу и селя обладателей разных меток в одни комнаты общежития. Однако раскол все равно происходил. Словно метка на униформе была единственным, что имело для курсантов значение. Они принципиально общались в основном со «своими», тайком менялись комнатами и рассаживались в аудиториях, четко делясь на две видимые группы. Будущие Ищущие и будущие Следящие. Как и их взрослые коллеги, они с академической скамьи недолюбливали друг друга.

Сегодня противостояние обострится. Этот учебный год ознаменует для старших первокурсников начало профессионального обучения. После церемонии их официально разделят на два потока: отправят изучать разные дисциплины, станут по-разному подготавливать физически, изменят цвет униформы и расселят в новые комнаты в общежитии, где теперь они и впрямь будут общаться только со «своими».

Профессор Грофт покачал головой, будто смиряясь с неизбежным, и неспешно прошагал к кафедре.

– Курсанты, встать! – скомандовал он. Голос, вырвавшийся из его тщедушного тельца, был удивительно громким и сценически поставленным. Первое время на лекциях Грофта курсанты даже вздрагивали от его команд. Сейчас они уже давно привыкли к нему, поэтому с готовностью поднялись и прижали правую руку, сжатую в кулак, к груди, приветствуя учителя.

Грофт кивнул.

– Садитесь, – чуть тише сказал он.

Зашуршала униформа, послышался скрип старых скамей, тихо заскрежетали по желтоватой бумаге перьевые ручки тех, кто начинал делать заметки в своем конспекте еще до начала лекции.

– Я попрошу вас отложить свои записи, – сказал профессор. – Сегодня у вас особенный день. Сегодня в церемониальном зале каждый из вас прикоснется к распределяющему камню и официально будет принят в ряды Ищущих или Следящих. Поэтому наша лекция будет требовать не ваших конспектов, а вашего таланта слушателей. Мы будем говорить о наших традициях и о том, почему они именно такие. Разделяясь на потоки, вы должны четко понимать, зачем это делается и от чего зависит…

Профессор Грофт всегда надолго растягивал вступление. Для курсантов это было своеобразным испытанием на прочность, и некоторые его проваливали, переставая слушать Грофта и не успевая сконцентрироваться, когда начиналась основная часть его лекции. Впрочем, сегодня

курсанты не сильно об этом беспокоились. Каждый из них давно знал легенду, которую профессор собирался им рассказать. Они выведывали ее у старшекурсников, учась еще в младших группах, когда только поступали в академию. А после охотно передавали ее друг другу как самый большой в мире секрет. Так что сегодняшняя лекция могла по праву считаться лишь традицией и частью церемонии распределения.

– Сейчас еще полчаса будет размазывать эту кашу, – зевнув, тихо простонал высокий юноша с коротко стриженными светлыми волосами, повернувшись к своему другу. – Быстрее бы уже распределение! Переедем в новый корпус, где не будет этих *сидней*, – мечтательно продолжил он, бросив презрительный взгляд на левую часть лектория, занятую курсантами с меткой «С». – Начнем обучаться полевым вылазкам, печатям… Скорее бы!

Его друг – темноволосый и черноглазый поджарый юноша с острыми чертами лица – тихо усмехнулся и покивал. Ему тоже не терпелось официально назвать себя Ищущим и страшно надоело воспринимать распределение как событие, которое произойдет когда-то в будущем, очень нескоро. Для себя он все решил уже много лет назад и с нетерпением ждал, когда его чаяния станут реальностью. Он, как и многие здесь, чувствовал, что быть Ищущим – его истинное предназначение.

Светловолосый вытянул руки на столе, едва не ложась на них, и блаженно прикрыл глаза.

– Заживем, – протянул он. – Еще четыре года, а потом… – он встрепенулся. – Как думаешь, нам с тобой позволят сразу стать напарниками или отправят к более опытным Ищущим?

Из-за плеча его друга вдруг показалось недовольное лицо стройной русоволосой девушки со строгими серыми глазами и вздернутым маленьким носиком. Ей было всего восемнадцать, но крупная родинка справа над верхней губой делала ее внешне старше. Свои длинные волосы она всегда убирала в два высоких хвоста и перевязывала черными ленточками.

– Кифер, ты не мог бы заткнуться? Кое-кто пытается слушать лекцию! – прошипела она и ткнула сидящего рядом юношу. – Малкольм, скажи ему!

– Скажу, если попросишь нежнее, – ехидно улыбнулся Малкольм, заработав от своей девушки еще один укоряющий тычок в бок. Он поборол в себе желание потянуться и приобнять ее, зная, что в ответ получит укоряющее «Не на лекции же!»

– Брось, Хейли, ты же знаешь эту легенду лет с пяти! – отмахнулся от нее Кифер, за что удостоился осуждающего взгляда. – Даже отличницам иногда нужно расслабляться. Сейчас самое время.

– Такие легкомысленные Ищущие по статистике часто умирают в первые годы службы, – сощурившись, буркнула Хейли.

Малкольм поморщился. Он счел это ударом ниже пояса и понял, что грядет буря. Стоило и впрямь вмешаться на секунду раньше. Хейли иногда бывала слишком категорична. В основном она вела себя так по отношению к самой себе, но временами на нее находило, и она начинала мерить по своим стандартам других, что почти всегда кончалось плохо.

Кифер возмущенно выпрямился, его лицо вытянулось.

– Эй! Разве можно так говорить товарищу по оружию?!

– А я это из лучших побуждений. Стараюсь наставить тебя на правильный путь, пока ты сам себя к Святым не отправил. – Хейли с важным видом сложила руки на груди.

– То есть, ты мне *угрожаешь*, но из лучших побуждений? Ну-ну…

Малкольм толкнул друга под локоть, чувствуя, что их тихая перепалка с Хейли перерастает в горячий спор. Они частенько начинали шуточно перекидываться колкостями, а позже переходили к настоящей ссоре и потом могли несколько дней не разговаривать в ожидании первого шага к примирению друг от друга.

– Да тише вы оба. Нас так выставят отсюда, – шикнул на них Малкольм, хотя и догадывался, что это уже не сработает.

– Скажи это своей девушке, которая швыряется проклятьями, – проворчал Кифер.

– Не проклятьями, а напутствиями! – парировала Хейли.

– Напутствиями о скорой смерти в бою? Да кто так делает вообще?

– Курсанты Йейтс, Кросс и Энкель, встать! – резко скомандовал профессор Грофт, уставший терпеть их возню.

Малкольм раздраженно вздохнул: он что-то такое и предчувствовал, когда затевалась вся эта болтовня о будущем. По правде говоря, разговоров о будущем он не любил. Он не понаслышке знал, что планы очень редко осуществляются так, как изначально представляются. Определить твою судьбу может череда фатальных случайностей, которые никак нельзя предсказать. Когда он думал об этом, внутри сразу начинал копошиться червь тревоги, поэтому он старался гнать от себя эти мысли и жить сегодняшним днем. Опору Малкольму Кроссу давало чувство, что он хотя бы знает, куда поведет его судьба. Сегодня он официально начнет свой путь Ищущего, и это будет *правильно*.

Хейли Энкель вскочила с места первой и вытянулась по стойке смирно.

– Прошу простить за шум, профессор! Этого больше не повторится! – отрапортовала она прежде, чем Малкольм и Кифер успели подняться со своих мест.

Профессор Грофт смерил долгим взглядом всех троих.

– Если вы так хорошо знаете материал сегодняшней лекции, может, сами расскажете его остальным? А я с удовольствием вас послушаю.

Кифер опасливо покосился на Хейли, будто ища у нее спасения. О едва начавшейся перепалке он тут же позабыл.

Малкольм знал, что друг прекрасно себя чувствует, рассказывая что-то в кругу небольшой компании, но выступать на весь лекторий было для него сущим кошмаром. Хейли, несмотря на отсутствие страха перед аудиторией, стыдливо опустила взгляд и покачала головой. Лекцию она прочитала бы не хуже, а то и лучше Грофта, но Хейли идейно следовала правилам академии и хотела, чтобы ее статус лучшей был достигнут за счет непогрешимости, а не за счет качеств выскочки. Из-за ее стремления к правильности у них с Малкольмом нередко возникали разногласия. Однако нечто в этой патологической честности и абсолютной предсказуемости казалось Малкольму до ужаса привлекательным. Поэтому в спорах правота частенько оставалась за Хейли. Он дарил ей это чувство, зная, что так ей спокойнее. Ему хотелось, чтобы с ним Хейли ощущала себя в безопасности, как ей никогда не удавалось почувствовать себя в стенах родного дома под строгим взглядом отца, работавшего главным городским прокурором.

Грофт выжидающе посмотрел на Малкольма.

– Курсант Кросс? Что насчет вас?

Малкольм спокойно выдержал его взгляд. Он запросто мог бы выступить на весь лекторий. К тому же легенду он знал вдоль и поперек, но ему вовсе не хотелось рассказывать историю возникновения скверны. В его устах она для всех приобретет особый оттенок. Ему вполне хватало того, что история его попадания в академию долетала до него в череде чужих перешептываний вплоть до рубежа старших курсов. Не раз ему приходилось пускать в ход кулаки, когда ему в спину бросали презрительное «осквернённый», а после проводить несколько дней в изоляторе в качестве наказания или убирать территорию на исправительных работах, попутно залечивая ушибы и кровоподтеки. Только в последние пару лет косые взгляды в его сторону сменились завистливыми, ведь он стал лучшим на курсе среди юношей. Их с Хейли считали безупречной парой. Если сейчас Малкольм расскажет о скверне, его собственная история снова встанет тенью за его спиной.

Думая об этом, он почти физически ощутил на своих плечах сильные нечеловеческие лапы с длинными когтями.

Я отведу тебя туда, сынок. Там ты поймешь, что такое настоящая сила. Еще чуть-чуть, Малкольм. Мы почти дошли…

Пришлось выровнять дыхание, как учили на занятиях по самоконтролю, чтобы избавиться от навязчивого воспоминания.

Нет. Ему однозначно не стоит выступать. Сейчас он хотел спокойно пройти распределение и оказаться в этом треклятом мире на своем месте.

– Прошу простить за шум, профессор, – сказал он как можно равнодушнее.

– Не хотите занять мое место на сцене? – ядовито улыбнулся Грофт.

– Никак нет.

Профессор удовлетворенно кивнул.

– Садитесь. Предупреждаю: еще раз попытаетесь сорвать мне лекцию, назначу вам троим исправительные работы. Изолятором старшекурсников не напугаешь, а вот чистка территории…

Малкольм, Кифер и Хейли послушно сели на места и показательно уткнули глаза в тетради в кожаных переплетах. Некоторое время они ловили на себе заинтересованные, сочувственные или злорадные взгляды сокурсников, но не смотрели ни на кого в ответ и прилежно молчали.

Профессор Грофт тем временем перешел к легенде, закончив всевозможные вступительные слова.

– Создатель покинул наш мир, – произнес он, преисполнившись должного трагизма. Он молчал пару секунд, затем вздохнул и продолжил. – Все вы знаете об этом. Он создал мир из своей Искры и был с нами много тысяч лет, помогал миру и направлял его, растя, как непоседливое дитя. Однако настает день, когда любой родитель решает, что его чадо выросло достаточно для самостоятельной жизни. Создатель принял решение оставить наш мир и избрал двадцать человек для особой миссии. Он наделил их своей Искрой и сделал бессмертными Святыми, которые должны были поддерживать в мире гармонию и заботиться о нем. – Грофт замолчал и пристально оглядел аудиторию. – Кто мне скажет, почему я говорю о двадцати Святых, а поклоняемся мы двенадцати?

Ответ знали все, но никто не вызывался продолжить лекцию.

– Курсант Йейтс? Не хотите подсказать мне?

Кифер беззащитно посмотрел на Малкольма и встал.

– Восемь из двадцати не справились с миссией Создателя, – уклончиво пробормотал он.

Несколько секунд Грофт оценивал его ответ, затем удовлетворенно кивнул и махнул Киферу, позволяя ему сесть на место.

– Верно, курсант Йейтс. В общих чертах. – Он заложил руки за спину и принялся медленно расхаживать по сцене из стороны в сторону. – Искра – небывалая сила, неподвластная обычным людям и непостижимая для них. Избранных Святых она превратила в безгранично сильных – не побоюсь этого слова – *магов*, способных на долю того, что творил наш Создатель. Однако, – Грофт покачал головой, точно стыдясь за весь человеческий род из-за поступка восьмерых избранных, – людская натура слаба, и сила может прельстить ее. Обнажить потаенную жажду власти и богатства. Открыть внутреннюю тьму. Так вышло с восьмерыми избранными, которые вознамерились использовать Искру во имя собственной выгоды. – Шаги профессора немного ускорились, он заговорил ритмичнее, будто декламировал военную считалку под марш собственной походки. – Восемь избранных рассредоточились по разным землям и захотели абсолютной власти над миром. Каждый из них, используя Искру на других людях, также прельстившихся силой и бессмертием, создавал армии сумасшедших кровожадных монстров, безропотно подчинявшихся хозяину. Они вздумали разрушить существующий мир и создать его новое жуткое подобие, которое достанется тому, кто победит в развязавшейся войне. Искаженная черными и жестокими намерениями восьмерых избранных, Искра изменилась. – Грофт остановился и оглядел курсантов. – С той формой, которую она приняла, столкнулся каждый из вас. Скверна. – Он покачал головой. – Большинство переняло ее при

рождении от родителей, кто-то наткнулся на редкие блуждающие миазмы в невинной детской игре и даже не знал, что получил дозу. А кто-то… – профессор сделал многозначительную паузу, – заразился от самого источника.

Малкольм невольно начал вжимать голову в плечи. Тишина, повисшая в лектории, показалась ему звенящей и тяжелой, вокруг него будто начал сгущаться воздух. Он чувствовал, как на него направляется разом несколько десятков взглядов.

Тем временем Грофт продолжал:

– Святые вступили с осквернеными и их армиями в противостояние, и эта война продлилась долгую сотню лет. Отчаявшись, Святые воззвали к Создателю и взмолились о помощи. Он дал им больше Искры, и с ее помощью им удалось уничтожить предателей и запечатать скверну глубоко в недрах земли. Чтобы больше никто не прельстился Искрой, Святые удалились из мира людей и стали досягаемы для нас только с помощью молитв. Однако скверна не была уничтожена окончательно. Ведь, как и Искру, ее невозможно уничтожить. Иногда она до сих пор прорывается из недр земли и продолжает сводить с ума тех, кто с нею сталкивается. Какие существуют категории осквернения? – профессор оглядел лекторий.

Малкольм мысленно понадеялся, что спросят не его, и удача улыбнулась ему: Грофт назвал Себастьяна Штольца из будущих Следящих. Курсант поднялся:

– Синяя, зеленая и красная, профессор. Синяя означает, что осквернение незначительное. Такие люди становятся Следящими и могут смывать своими печатями облик чудовища с осквернённых. Их задача – блюсти порядок на выделенных им территориях. Зеленая степень – приемлемая. Такие люди становятся Ищущими. В отличие от Следящих, они чувствуют скверну и объезжают земли, охотясь на осквернённых и запечатывая новые источники. Красная степень – фатальная. Такие люди подлежат ликвидации, так как их превращение в монстров неминуемо.

Грофт кивнул, довольный ответом курсанта.

– Все верно. Степень осквернения определяется кулонами, сделанными из камня со священных земель, где проходили сражения Святых с осквернёнными. К одному из таких камней каждый из вас прикоснется сегодня. – Он сделал паузу в несколько секунд, затем прищурился, поправил на переносице очки в проволочной оправе и вновь обратился к курсантам. – А кто из вас знает, как именно образуются источники скверны?

Курсанты переглянулись в ожидании того, что профессор кого-нибудь вызовет. Выкрикнуть ответ не решился никто.

– Курсант Кросс? – окликнул Грофт.

Малкольм нехотя встал.

– В основном источники образуются случайным образом, когда запечатанная скверна прорывается из-под земли наружу. Это невозможно предсказать заранее или определить, где именно появится источник. Поэтому так важна работа Ищущих, которые чувствуют ее и могут запечатать, – как можно небрежнее ответил он.

По той части лектория, на которой сидели будущие Следящие, пролетел недовольный ворчащий шепоток. Малкольм едва заметно улыбнулся: он надеялся, что своим замечанием сместит внимание сокурсников на межгрупповое противостояние, и никто не будет думать о том, что на этот вопрос отвечает именно он. Однако Грофт не собирался на этом останавливаться.

– Опишите, как выглядит источник.

Малкольм глубоко вздохнул. Он понимал, что спрашивали его об этом не случайно. Не каждый раз на такой лекции присутствует кто-то, кто видел источник своими глазами и не получил красную дозу. Но неужели профессор не мог просто оставить его в покое и сохранить свое любопытство при себе?

– Как… слабо пульсирующий бугорок земли, из которого поднимаются легкие струйки черного дыма. Заметить его издали нелегко: он неприметный. Даже оказавшись рядом, можно не увидеть и пройти мимо, если невнимательно смотреть. Поэтому источники в основном находят и запечатывают Ищущие. Только они могут это сделать. – Малкольм попытался провернуть ту же манипуляцию, но на этот раз она не сработала. Тяжелая тишина надавила на него.

Грофт улыбнулся.

– Спасибо, курсант Кросс. Садитесь.

Малкольм сел, и Хейли сочувственно накрыла его руку своей ладонью.

– Ответ верный, но, к моему великому сожалению, не единственный, – сказал Грофт, привлекая к себе всеобщее внимание. – По сей день существуют люди, на которых скверна действует по-особому. Она не превращает их в монстров и не делает зависимыми. Напротив, она наделяет их силой, похожей на силу восьмерых предателей. В таких людях определить скверну с помощью кулона невозможно, и Ищущие тоже ее в них не чувствуют. Мы называем их высшими осквернеными, хотя мне никогда не нравилось это возвеличивающее определение, – профессор Грофт поморщился. – По счастью, таких людей очень мало. Однако они способны управлять скверной, открывать новые источники и заражать других людей. Эти люди алчут до власти и могущества, но прячутся в тени, стараясь набрать мощь как можно незаметнее. Поэтому первое правило любого Ищущего или Следящего: *никому не доверять*. Если вам удастся за все годы службы вычислить хотя бы одного высшего осквернённого, можете считать это самой большой победой в своей жизни.

Девушка, сидящая в первых рядах на стороне будущих Ищущих, вдруг подняла руку.

– Слушаю вас, курсантка Дирелл, – кивнул Грофт.

– Профессор, а если под действием темных помыслов предателей Искра превратилась в скверну, может ли кто-то с благими помыслами превратить ее обратно в Искру?

Лекторий разразился заинтересованными перешептываниями.

– Любопытный вопрос, Эмилия, – медленно покивал профессор. – Теоретически, если Искра и скверна имеют одну и ту же природу, обратная трансформация возможна. Однако даже если те, кого избрал Святыми сам Создатель, смогли лишь исказить Искру, сложно поверить, что может найтись человек со столь чистыми помыслами. Особенно при учете, что дозы, полученной любым Следящим или Ищущим, на это не хватит. То есть, такую трансформацию должен осуществить высший осквернённый, что само по себе уже ересь.

– И не было экспериментов? – упорствовала Эмилия Дирелл. – Никто не пытался образумить высшего осквернённого? Ни разу за всю историю?

Профессор вытащил из нагрудного кармана черного преподавательского кителя часы на цепочке и покачал головой.

– Рад бы порассуждать с вами на тему древних легенд, курсантка Дирелл, но наше занятие подходит к концу. Тема, которую вы затрагиваете, явно выходит за рамки вводной лекции для старших первокурсников. Пожалуй, отпущу вас сегодня чуть пораньше, чтобы вы успели подготовиться и пройти в церемониальный зал. Впереди у вас большой день, курсанты! Увидимся на новых занятиях.

Лекторий взорвался суетой, вновь зашуршали закрываемые тетради и кожаные сумки. Кто-то из курсантов встал и приложил к груди сжатый кулак, чтобы отдать дань уважения профессору, другие, взволнованные предстоящим событием, забыли об этом, но Грофт не стал их отчитывать. Он стоял и смотрел, как ряды курсантов, четко делящихся на две группы, покидают лекторий. В следующий раз он увидит их уже только после распределения. А после – будут новые потоки, которые точно так же расколются надвое.

Глава 2

Малкольм достиг дверей церемониального зала одним из первых и еще несколько минут ждал, когда Хейли и Кифер догонят его. После лекции профессора Грофта ему совсем не хотелось идти в главный корпус в компании сокурсников. Будь его воля, он отсиделся бы где-нибудь до самого вечера и не попадался никому на глаза. Он понимал, что это трусливо, и ему было противно от собственного малодушия. К тому же это, скорее всего, и не помогло бы. Но идея становилась тем привлекательнее, чем сильнее росло количество курсантов возле церемониального зала. Оставалось надеяться, что распределение всех отвлечет, и про его рассказ об источнике все быстро забудут.

Когда толпа начала собираться возле церемониального зала, Малкольм высмотрел в ней два хвостика Хейли, перевязанных черными ленточками, и светловолосую голову Кифера. Друзья тоже заприметили его и одновременно махнули руками. Когда они дошли до него, у высоких резных дверей зала уже стоял гул, напоминавший жужжание огромного пчелиного роя. Пять десятков курсантов в серой униформе вместо привычного деления на две большие группы, разбрелись по небольшим компаниям близких друзей и воодушевленно обсуждали предстоящее распределение.

– Ты куда сбежал? Мы тебя потеряли, – хлопнул друга по плечу Кифер. Малкольм поднял на него взгляд снизу вверх и небрежно пожал плечами.

– Да так, думал, лучшие места нам займу, а тут двери закрыты, – ответил он.

Хейли одарила его сдержанным намеком на улыбку. Так она обычно улыбалась профессорам, когда получала от них поручения, которые ей не хотелось выполнять. Примерно так же она улыбалась отцу, когда он навещал ее в родительские дни. Эта улыбка означала понимание и уступчивость, но не одобрение. Никогда не одобрение.

Малкольм отвел взгляд.

– Ясное дело, они закрыты будут! – не обратив внимания на смурной вид друга, сказал Кифер. – Надо же все подготовить. Камень принести, почистить его там… или что они с ним обычно делают? Списки курсантов сверить. Я слышал, что однажды на распределении забыли назвать одного парня. Просто пропустили его в списке. Так тот чуть в обморок не упал, представляете! Думал, что его вышвырнут из академии или того хуже… – Кифер загадочно замолчал, ожидая реакции. Не увидев ее ни от Хейли, ни от Малкольма, он слегка насупился и буркнул: – Это ж надо быть таким трусом!

Малкольм поморщился, как будто Кифер назвал трусом его самого.

Хейли сдвинула брови и покачала головой. Ее взгляд рассеянно побродил среди курсантов и наткнулся на небольшую группку с метками «С», стоявшую чуть поодаль. У девушки, прислонившейся спиной к огромному зеркалу высотой до потолка, лицо почти сравнялось по цвету с краской на стене. Она прерывисто дышала и прижимала руку к груди.

Малкольм проследил за взглядом Хейли и с настороженностью уставился на сокурсницу, с которой явно творилось что-то неладное.

– Что у них там происходит? – спросил он.

– Какая разница? – небрежно бросил Кифер. – Ладно б они были наши. А это ж *сидни*. Плюнь на них.

Хейли неопределенно покачала головой. Сосредоточенное лицо говорило о том, что она усиленно старалась разобрать беседу сокурсников за общим гомоном.

Кифер, все еще обиженный отсутствием реакции на свою небольшую историю, нехотя обратил внимание на побледневшую тощую брюнетку, которой была велика форма даже самого маленького размера.

– Это же Лиз Хартиг с потока «С», – заметил он. – С младших курсов удивлялся, как ее взяли в академию. Она на общей физподготовке несколько раз в обморок падала. Слабачка, каких поискать! Ей даже в Следящие путь заказан.

– Перестань так мерзко себя вести, – шикнула на него Хейли, и Кифер недовольно поджал полные губы. Его лицо сделалось по-детски обиженным, и из высокого видного восемнадцатилетнего юноши он будто резко превратился в мальчишку лет десяти.

Малкольм бросил на друга сочувственный взгляд, памятуя о том, что на лекции он уже успел схлопотать от Хейли, и снова отвернулся в сторону сокурсников.

– Да успокойся ты, Лиз! Что ты такое говоришь?

– Как тебя могут распределить «не туда»?

– Все будет хорошо, перестань… – успокаивали девушку три сокурсницы, квохчущие возле нее заботливыми курицами-наседками. Двое юношей рядом с ними стояли столбами и ничего не говорили, выказывая свою поддержку молча.

Бледная, как известка, Лиз Хартиг качала головой и всхлипывала.

– Мне нехорошо. Точно вам говорю, уровень скверны поднялся! Меня определят в Ищущие, а я… а я там не выдержу! Я там не смогу!…

– Ну, глупости не говори. Не мог у тебя уровень осквернения измениться. Ты же все это время была в академии, тут ведь нет источников.

Малкольм заметил, что оба юноши, стоявшие возле Лиз Хартиг, покосились на него. По его спине начал медленно взбираться холодок. В ушах эхом зазвучали слова «тут ведь нет источников». Иногда Малкольму казалось, что они здесь есть. Пару лет назад он начал просыпаться по ночам и иногда подолгу смотреть в окно. Что-то будто тянуло его на улицу. По его телу пробегала странная вибрация, которую он хорошо запомнил еще с восьмилетнего возраста. В такие ночи ему обычно снилась мать. Однако все лето, б*о*льшую часть которого он провел в доме Хейли и подрабатывал вместе с ней разносчиком газет, кошмары его не мучили, и вибрация источника ему не вспоминалась. Он уже успел решить, что просто выдумал все это. И вот теперь Аксель Димлер и Браус Винс с метками «С» подозрительно на него косились, а он чувствовал себя так, будто они застукали его ночью глядящим в окно спальни.

– Пфф! – прыснул Кифер, толкая Малкольма в бок. – Слышишь, что она несет? – шепнул он. – Думает, что ее определят не в Следящие. Ну, если б такое было возможно, ей было бы из-за чего переживать. В Ищущих она и недели не продержится. Как ты там говорила, Хейли? Такие умирают в первые годы службы?

На напоминание о своей грубости Хейли отреагировала невозмутимо.

– Вообще-то, такое бывает, – сказала она задумчиво. – Редко, но бывает. За всю историю академии всего дважды курсант на распределении попадал не в тот поток, куда его изначально определили. Проводили расследование: выяснялось, что это могло быть ошибкой родителей, которые сами проверяли своих детей в очень раннем возрасте. Из-за тесного контакта матери и ребенка кулон Ищущего мог выдать неправильный результат. Но сейчас при поступлении в академию детей всегда перепроверяют, так что Лиз, скорее всего, боится напрасно.

Брови Кифера удивленно поползли вверх.

– Откуда ты все это знаешь?

– В библиотеке история нашей академии есть в открытом доступе. Ее каждый может почитать, если захочет, – пожала плечами Хейли и снова выдала свой дежурный намек на улыбку, по которому Малкольм понял, что наводку на такую информацию она могла получить, подслушав разговоры отца. Если проводилось расследование, он запросто мог быть в курсе деталей, даже если оно давно закончилось.

– И тебе было интересно листать пыльные бумаги с историей академии? – удивился Кифер.

– А тебе не любопытно хорошо знать место, в котором ты проводишь значительную часть своей жизни? – спросила Хейли. Кифер было устыдился, но тут же прищурился и посмотрел на Малкольма.

– А ты это знал?

– Нет, – улыбнулся Малкольм. – По сравнению с Хейли мы с тобой оба идиоты. Я давно смирился. – Он легонько приобнял Хейли за талию. Она прильнула к нему и уткнулась лицом в его мундир.

– Скорее бы распределение. Глядя на Лиз, я что-то тоже начала волноваться, – пробормотала она.

– Ищущему нужно уметь контролировать свои эмоции, – постарался поддеть ее Кифер, но Хейли не отреагировала на него, продолжив стоять в обнимку с Малкольмом. Ее дыхание стало глубже и равномернее, перед выдохом она на несколько секунд замирала, и Малкольм понимал, что она прямо сейчас следует совету Кифера, обращаясь к одной из простейших практик самоконтроля.

Высокие двери церемониального зала открылись, вмиг заставив толпу из пяти десятков курсантов замолчать. Только отчаянный всхлип Лиз Хартиг нарушил воцарившуюся тишину.

На пороге зала, уходившего вниз к сцене с тяжелым бархатным занавесом, стоял стройный мужчина в длинном черном облегченном кителе, застегнутом на все пуговицы, расположенные в ряд с правой стороны. Светло-серые глаза с почти юношеским озорством оглядели замершую толпу курсантов через стекла тонких очков в серебристой проволочной оправе. Длинные смолисто-черные прямые волосы, доходившие почти до лопаток, были собраны в низкий хвост и переброшены через левое плечо, ниспадая на ряд фальш-пуговиц кителя. На лице с высокими скулами и длинным прямым носом играла легкая полуулыбка.

– Приветствую будущее республики! – произнес он громким поставленным голосом, привыкшим читать материал на большой лекторий. – Гляжу, вам уже не терпится войти в этот зал. – Последние слова он произнес тише, но курсанты услышали и вобрали в себя каждое. Пусть этот человек не сказал ничего особенного, от него будто исходила сила, способная принести бодрость и энергию даже тому, кто встал с утра разбитым. Лиз Хартиг, до этого момента опиравшаяся на зеркало, вдруг заливисто покраснела и опустила глаза, на губах показалась глуповатая улыбка.

– Это профессор Хайнрих Фром, – шепнула Хейли Малкольму и Киферу. – Преподает в академии с момента своего выпуска. Он ведет практику по печатям и работе со скверной и у Ищущих, и у Следящих. Только у старших курсов. Владеет обоими типами печатей. Очень редкая способность, учитывая, что уровень осквернения у него зеленый. Фактически он работает за двоих преподавателей. Эксперты корпуса изучали его феномен много лет, но так и не нашли объяснения его способностям. Может быть, до сих пор изучают.

– Я о нем слышал, – воодушевился Кифер. – О нем девчонки перешептывались. Так это в него они все влюбляются? Я слышал, его буквально заваливают любовными письмами.

Малкольм кивнул.

– Так говорят, – сказал он. – Ну и, судя по Лиз, как минимум, одно любовное письмо он в этом году получит.

Кифер хихикнул.

– Нам нужен экспертный взгляд. Что скажешь, Хейли? Профессор действительно красавчик?

– Профессор Фром обладает выдающимися навыками, харизмой и привлекательной внешностью, – спокойно ответила Хейли. – Однако даже подумать о романе с учителем – возмутительно. Это, как минимум, незаконно. И профессор Фром поступает правильно, держа курсанток на расстоянии. Это делает ему честь.

Кифер многозначительно посмотрел на Малкольма.

– Смотри, дружище, как бы и твоя ненаглядная в него не влюбилась! А то очень уж формально ответила.

Хейли нахмурилась и толкнула его в бок.

– Что у тебя в голове, а? – прошипела она. – Иногда кажется, что опилки.

– Брось, Хейли, я же шучу!

– Шуточки у тебя…

Малкольм посмотрел на мужчину, открывшего двери зала. Он встречал его десять лет назад, когда только попал в академию. Хайнрих Фром присутствовал в комиссии, которая выслушивала доклад о матери Малкольма от Германа Ленске. Тогда он еще не носил очков и волосы у него были короче. Но он показался Малкольму добрым человеком, потому что угостил его пирожком с малиной и лично сопроводил до новой комнаты в корпусе подготовительных курсов. Даже провел некоторое время с группой, чтобы убедиться, что новичка не обижают. Это было мило с его стороны, хотя, когда дети узнали об истории Малкольма, они все равно начали задирать его, и вряд ли профессор Фром или кто бы то ни было другой мог это предотвратить.

С тех пор Малкольм пересекался с профессором Фромом только мельком, в коридорах. Тот никогда не справлялся, как у него дела, лишь обменивался с ним легким кивком приветствия. Однако его взгляд каждый раз был теплым и участливым. Так смотрят люди, которым есть дело до других, и у Малкольма сохранилось приятное впечатление об этом человеке. Правда, за последние пару лет они крайне редко пересекались, и Малкольм успел подзабыть о том, что на старших курсах ему предстоит учиться у профессора Фрома. Интересно, каков он в преподавании? Его образ девичьего обольстителя Малкольма нисколько не интересовал, а вот искусство печатей заставляло сердце трепетать. Он не мог дождаться дня, когда научится проделывать с помощью живущей в нем дряни то же самое, что когда-то сделал Герман Ленске с источником скверны, погубившим его мать…

– Прошу! – с лучезарной улыбкой окликнул профессор Фром, отступая к раскрытой створке двери и жестом пропуская толпу курсантов в зал.

На первых рядах уже расположилась преподавательская комиссия. Ректор, проректоры, деканы потоков, их заместители и несколько преподавателей, большую часть которых Малкольм лично не знал – вероятнее всего, они преподают только на старших курсах. Наверняка про многих из них в академии ходят разные слухи и истории, однако пока трудновато было сопоставить, кто есть кто.

– Рассаживайтесь, начиная с третьего ряда, – направлял профессор Фром. – Можете делиться на потоки, как привыкли, сегодня это разделение станет для вас актуальным… Ох, юноши, я понимаю, что всем не терпится пройти распределение, но нельзя же терять галантность: пропустите девушек!

Девушки хихикали, ловя легкость и задор, исходящий от Хайнриха Фрома. Малкольм заметил, что на профессора и в самом деле заинтересованно поглядывают, хотя ему уже… сколько? Лет сорок пять, не меньше. Примерно столько же сейчас должно быть Герману.

О Германе Ленске Малкольм вспоминал с легкой тоской. Когда он впервые встретил Ищущего, тот показался ему холодным и опасным человеком. Именно он убил чудовище, в которое превратилась мать Малкольма из-за источника скверны, открывшегося в лесу деревни Рутгерд. В первые минуты Малкольм даже ненавидел Германа и считал истинным злом, однако протянул ему руку и пошел с ним, потому что больше ему было некому довериться. Своего отца Малкольм никогда не знал, они жили с матерью в ветхом деревенском доме и довольствовались малым. Можно сказать, счастливо жили, несмотря на бедность. Пока мама не начала меняться. Сначала неуловимо… затем она стала пугать Малкольма.

Герман оказался единственным, кому Малкольм рассказал о своих страхах. Он спросил, мог ли что-то сделать, чтобы не допустить этого. Мог ли не дать матери превратиться в чудовище.

– *Нет, парень,* – с грустью ответил тогда Герман. – *Ты ни в чем не виноват, запомни это, пожалуйста. То, что случилось с твоей мамой – большая беда, но такое иногда происходит. А то, что ты выжил, и она тебя не тронула, очень большая удача. И ты должен использовать выпавший тебе шанс на вторую жизнь с толком… Прости, я не мастер агитационных речей*. – После этого Герман порылся в карманах своего темно-зеленого кителя и нашарил конфету фирмы «Ленокс и сыновья». Малкольм знал эти конфеты: ему они доставались помалу и только во время выездов в город в канун нового года, потому что были очень дорогими. – *На, вот, пожуй. Немного, но хоть перекусишь. Ты, поди, ничего не ел. После разговора со старостой найдем тебе что-нибудь поесть. И одежду потеплее.*

Тогда Малкольм развернул конфету, и слезы градом потекли у него по щекам. Он плакал и никак не мог остановиться. Думал, Герман будет ругать, ведь такие, как он, всегда пресекают слезы, особенно когда ты мальчишка. Даже мама говорила, что мальчики не плачут. А Герман молча стоял и ждал, пока Малкольм успокоится, положив ему руку на хрупкое плечо.

– *Поплачь, парень,* – сказал он. — *Ты извини, успокаивать я тоже не мастер. Просто поплачь. Я знаю, от этого становится легче. Сам, думаешь, никогда не рыдал?* – И улыбнулся. Впервые с момента встречи.

Они провели вместе еще какое-то время, и мальчик прикипел к своему новому спутнику.

Герман рассказывал разные истории об академии, стараясь преподнести ее в лучшем свете, но в каждой фигурировали драки, стычки и трудности, которые приходилось преодолевать во время учебы. Малкольм не был уверен, что хочет попадать в то место, о котором рассказывал Герман. С каждым днем путешествия ему все сильнее хотелось остаться со своим новым другом. Он просил Германа обучить его самостоятельно и не увозить ни в какую академию, но Ищущий раз за разом объяснял, что так нельзя. Точнее, так *не положено*. Это он очень часто произносил.

Первые несколько лет Герман даже заезжал в академию, чтобы навестить своего подопечного. Видимо, тоже привык к нему, хотя никогда и не признавался в этом и вообще говорил, что недолюбливает детей. Не понимает их. Но приезжал – из года в год, как по расписанию. Кто-то из курсантов ждал родительский день, как праздник, а Малкольм ждал редких приездов Германа. Но последние пару лет визиты не удавались. Герман Ленске стал Старшим Ищущим, и дел у него прибавилось: кураторство, инспекции, разъезды… Вряд ли он теперь нагрянет в академию. Повезет, если придет хотя бы на выпуск.

Кифер прошмыгнул на центральные места шестого ряда и поманил за собой друзей, чем выдернул Малкольма из воспоминаний. Он потряс головой, чтобы прийти в себя, и спешно направился на занятое для него место. Хейли стиснула его руку, за которую держалась, будто за спасательный канат. Малкольм лишь теперь осознал, что ладони у нее холодные, как лед, и немного взмокшие: стало быть, она всерьез говорила, что сильно нервничает перед распределением. Малкольм почувствовал себя эгоистом. Стоило поддержать Хейли, ведь для нее это важный день, а он вместо того раскис еще на лекции Грофта. Пора было с этим заканчивать. Сегодня прошлое окончательно уйдет в прошлое и уступит место светлому настоящему. Можно было позволить себе помечтать и о будущем. Малкольм этого не любил, но иногда ему этого хотелось. О чем он мечтал? Стать Ищущим, работать с Кифером, жениться на Хейли, дослужиться до Старшего и потом регулярно навещать Германа, когда тот уйдет в заслуженную отставку. Может, Герман тоже захочет преподавать на старости лет? Наверняка быстро войдет в состав проректоров с его-то заслугами…

Церемониальный зал тем временем погрузился в жадную тишину. Курсанты расселись, хаотично поделившись на группы «И» и «С» в рамках каждого из рядов.

Первым на сцену вышел ректор академии Вольфганг фон Бергер. Он был стар, но не выглядел дряхлым. Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, прикрывая залысину на макушке, сухое лицо в морщинах сохраняло энергию и живость. Красный мундир с несколькими орденами за заслуги перед республикой придавал ему властности и некоторой схожести со служителями храмов Святых.

– Дорогие курсанты! – крикнул он с кафедры, на которой перед ним стояла деревянная подставка, пока что накрытая металлическим куполом. Скрипучий голос, несмотря на его почтенные годы, оставался громким. – Сегодня для всех нас особенный день! Сегодня мы начнем ваше профессиональное обучение как новых Следящих и новых Ищущих…

– Он назвал *сидней* первыми, потому что сам когда-то был Следящим, – тихо проворчал Кифер, наклоняясь к Малкольму. – Видимо, он этих лентяев больше жалует.

– Судя по отчетам академии, он не благоволит Следящим больше, чем Ищущим, – тут же заспорила с ним Хейли.

– Ты *и отчеты* академии читала?

– Они хранятся в той же секции библиотеки. Доступ к ним открыт. Почему бы и нет?

– Когда ты время находишь?

– Просто умею грамотно распределить свободные часы.

– Так, только не начинайте снова, ладно? – предупредил их Малкольм, через которого они переговаривались, как через стенку. – Не хватало еще, чтобы нас даже тут заставили вставать и отчитываться.

Хейли поджала губы и послушно притихла. В кои-то веки правота осталась за Малкольмом. Он снова взял Хейли за руку и ободряюще сжал ее, почувствовав, что она все еще холодная и подрагивает.

– Все будет хорошо, – шепнул он.

Хейли благодарно кивнула и сжала его руку в ответ. Кифер, глядя на них, показательно закатил глаза и сделал вид, что с интересом слушает ректора, хотя, зная его, пропускал мимо ушей половину сказанного и витал в облаках. Ему не терпелось пройти распределение и начать практику. Кифер был из тех, кому плохо сиделось на одном месте дольше получаса.

Ректора на кафедре сменили деканы потоков. Декан Следящих говорил размеренно и долго, одним своим видом усыпляя добрую половину зала. Казалось, курсанты с меткой «С» слушают его внимательно и борются с сонливостью только из вежливости. Декан Ищущих занял не больше двух минут, поприветствовал старшекурсников, напомнил об опасностях и тяготах службы, усиленной физподготовке и суровых зачетах по владению оружием. Его сход с кафедры встретили воодушевленными аплодисментами, после чего на сцену неожиданно вышел профессор Хайнрих Фром.

– Спасибо, декан Осмунд, – кивнул он предыдущему оратору. – В конце вашего выступления я каждый год жду страдальческого стона курсантов, но каждый раз слышу восторг. Молодое поколение рвется в бой, какой уж там страх перед зачетами!

Фром лучезарно улыбнулся и подмигнул – неизвестно, кому, но в зале послышались легкие смешки, в основном девичьи.

– Не стану вас утомлять долгими речами, их вы от меня еще наслушаетесь, когда будете приходить на мои лекции. Они часто стоят первыми, так что мужайтесь. – Он попытался зловеще хохотнуть, чем вызвал новый прилив воодушевления у курсантов. Никто не боялся ни его лекций, ни его практических занятий, все жаждали поскорее к ним приступить. – Начнем, пожалуй! – Фром приподнял металлический купол, стоявший перед ним на кафедре, обнажив большой грубый камень, обточенный до идеальной сферы и зажатый металлическим обручем, прикрепленным ножками к подставке. – Церемония будет проходить так: я называю ваше имя по списку, вы выходите со своего места, поднимаетесь на кафедру, произносите реплику, к которой готовились очень долго, и кладете руку на распределительный камень. В зависимости

от его цвета вас официально определят на тот поток, на который вы и так уже вовсю рветесь. – Фром развернул большой журнал в кожаном переплете, любовно разлинованный канцелярами специально для академии, и поправил очки, вглядываясь в список курсантов, выведенный каллиграфическим почерком секретаря ректора. – Курсант Леонард Асгер!

В четвертом ряду поднялся юноша с нашивкой «И», сидевший в центре, и зашагал в сторону прохода, ведущего к сцене. Расстояние между рядами было рассчитано на эти перемещения, поэтому позволяло свободно вставать и выходить со своего места, не тесня и не беспокоя при этом остальных.

Хейли крепче сжала руку Малкольма.

– Начинается, – шепнула она. – Святые, мне страшно…

– Где бы записать? Несравненная Хейли Энкель боится, – усмехнулся Кифер.

Малкольм строго посмотрел на него.

– Это не смешно, Кифер, – сказал он, и друг сконфуженно замолк, насупившись.

Тем временем курсант Асгер дошел до кафедры и поравнялся с профессором Фромом. Тот приветливо кивнул ему, как первопроходцу, и указал на камень.

– Я, Леонард Асгер, клянусь следовать пути, указанному распределительным камнем, верой и правдой служить республике и продолжать дело Святых.

– Клятва засвидетельствована, – одобрительно сказал Фром и кивнул в сторону камня, сделав пару шагов назад.

Леонард прикрыл глаза, положил руку на серую сферу, и полсцены залило ярко-зеленое сияние. Курсант открыл глаза и ликующе улыбнулся.

– Поздравляю вас, Ищущий Асгер. Можете вернуться на свое место.

Леонард развернулся и зашагал обратно намного быстрее и бодрее, чем выходил на сцену. Фром проводил его ностальгической улыбкой и легким покачиванием головы, словно бы говорившим: «молодо-зелено». Он снова встал за кафедру и назвал новое имя.

Для Малкольма время начало течь преступно медленно. Он наблюдал за тем, как из разных рядов то и дело поднимаются курсанты, проходят к кафедре, говорят давно заученные слова и прикасаются к сфере. Поначалу перед самым касанием сердце Малкольма пропускало удар, но вскоре он расслабился. Видимо, легкая паника Лиз Хартиг на какое-то время передалась и ему.

– До моей фамилии еще так долго, – протянул Кифер. – Вы с Хейли пройдете раньше.

– Радуйся, что ты не Зальцман, – усмехнулся Малкольм. – Ну, и не Асгер.

– А почему не Асгер? Он же первым пошел, – удивился Кифер.

– Зато теперь он вынужден ждать всех остальных.

Они взглянули на Леонарда, сидящего в окружении друзей, которые еще не прошли церемонию, и те то и дело хлопали его по плечам и о чем-то расспрашивали, хотя распределение проходило на их глазах.

Малкольм рассеянно погладил Хейли по тыльной стороне ладони большим пальцем. Кожа у нее на ладонях была слегка шершавая. Так она реагировала на холод. У нее грубели руки с первыми осенними деньками и оставались такими до весны. Хейли этого очень стеснялась и поначалу прятала руки от прикосновений, но вскоре привыкла. Сейчас она даже не вздрогнула, когда Малкольм ее коснулся, и не попыталась со смущенной улыбкой в очередной раз сказать: «Не надо, они шершавые».

Глядя на курсантов, выходящих на кафедру к Фрому, Малкольм думал о том, как тот же самый путь проходил Герман Ленске. Волновался ли он? Глядя на него сейчас, трудно было представить, что этого видавшего виды Ищущего может хоть что-то напугать. Интересно, каким он был, будучи курсантом? Малкольму хотелось верить, что он хоть сколько-нибудь на него похож. О своем отрочестве Герман рассказывал мало. В основном делал акцент на акаде-

мии и веселых историях с сокурсниками, но про себя – почти ничего не говорил. Надо будет расспросить его при случае… если он, конечно, посетит академию.

– Курсант Малкольм Кросс! – возвестил Фром.

Хейли тихо ахнула и вцепилась в руку Малкольма сильнее прежнего, но тут же вернула самообладание и ободряюще улыбнулась. Он кивнул ей и поднялся с места.

– Чур, моя кровать в новом общежитии у окна, – сказал ему Кифер, когда тот проходил мимо него.

– Обойдешься, – шепнул Малкольм, криво ухмыльнувшись. Хотя он был не против спать подальше от окна из-за тех странных ночных зовов, которые периодически пробуждали его ото сна.

Идя вдоль ряда, он прислушивался к тихим разговорам сокурсников. Говорят ли они о нем? Вспоминают ли его историю? Он боялся, что снова услышит в свой адрес «осквернённый», и это выбьет его из колеи. На миг ему показалось, что сейчас он прикоснется к сфере, и вся сцена заалеет от света распределительного камня. Что тогда будет? Его тут же пустят в расход? Фром наложит на него печать?

Все будет нормально, просто иди. И, ради Святых, не споткнись, – скомандовал себе Малкольм. Его терзания не были видны сокурсникам: шел он твердо, в меру быстро и уверенно. Взойдя на кафедру, он на секунду подумал, что забыл слова, но тут же успокоился: клятву он помнил еще лучше, чем легенду о возникновении Скверны.

– Я, Малкольм Кросс, клянусь следовать пути, указанному распределительным камнем, верой и правдой служить республике и продолжать дело Святых, – как можно тверже произнес он.

– Клятва засвидетельствована, – сказал Фром с ободряющей улыбкой.

Снова кивок в сторону камня и два шага назад, как он делал каждый раз.

Малкольм сосредоточился, посмотрел на камень.

Его рука легла на поверхность, и он не посмел закрыть глаза. Он должен был видеть ту точку, из которой вырастет его судьба.

Шар засветился, и половина сцены вместе с кафедрой озарились ярким синим сиянием.

Глава 3

Малкольм не поверил своим глазам. Он, должно быть, задремал, сидя в зрительном зале, и ему просто снится кошмар. Сейчас он проснется, его вызовут на сцену, которая озарится зеленым светом, и все будет, как надо. Не может же распределительный камень и в самом деле светиться синим? Ведь не может?

Сквозь ярко-синий свет Малкольм беспомощно оглядел зрительный зал, найдя глазами Хейли и Кифера. Отыскать их оказалось несложно, потому что они единственные вскочили со своих мест. Хейли прижала руки к губам, словно сдерживая крик, Кифер застыл с приоткрытым ртом. На лицах у обоих было написано отчаяние. Сердце Малкольма пропустило удар, а затем с силой врезалось в грудь, будто пытаясь пробить себе путь наружу.

Это не сон? Не может быть!

Малкольм отдернул руку от камня и посмотрел на нее так, словно она ему не принадлежала. Беспомощный взгляд нашел профессора Хайнриха Фрома, который впервые с момента своего появления выглядел растерянным. Он посмотрел на распределительный камень, затем на гордую метку «И» на мундире Малкольма. С его губ должно было сорваться стандартное «Поздравляю вас, Следящий Кросс», но он, хвала Святым, этого не сказал. Такое поздравление сейчас звучало бы хуже любой издевки.

– Кажется, у нас возникла весьма необычная ситуация, – осторожно произнес Фром, поворачиваясь к ректору и проректорам, которые уже вовсю сверяли списки, чтобы найти быстрое объяснение происходящему. Однако с каждой секундой их лица становились все более озадаченными.

Это какая-то ошибка! Это *должно быть* ошибкой, не иначе! Набравшись решимости, Малкольм подался вперед и снова положил руку на распределительный камень.

– Курсант Кросс! – попытался остановить его Фром, однако шагать к нему и применять грубую силу не стал. Казалось, ему самому было любопытно увидеть, что будет, если Малкольм прикоснется к камню во второй раз.

Первые пару секунд света не было вовсе, и Малкольм успел почувствовать, как земля уходит у него из-под ног. Неужто за это утро скверна в нем опустилась до уровня Следящего, а теперь и вовсе исчезла? Так ведь не бывает! Закон, по которому живет мир с момента Великой Войны Святых, гласит, что скверна не изгоняется, от нее невозможно избавиться. Десять лет назад, когда Малкольм получил дозу осквернения из источника, он возненавидел ее в себе. От одной мысли, что он носит в себе гадость, превратившую его мать в чудовище, Малкольму становилось дурно. Когда ему в спину бросали презрительное «осквернённый», он кидался на обидчиков с яростью зверя, ведь и вправду чувствовал себя таким. Монстром, которых Ищущие обычно уничтожают. Тогда он бы многое отдал за исчезновение скверны из своего тела. Ему было бы плевать на все – на то, что будущее снова станет неопределенным, на то, что академия сменится на детский работный дом, на то, что после совершеннолетия ему придется вернуться в ветхий домик, оставшийся от матери и поистрепавшийся без должного ухода. На все было бы плевать. *Тогда*. Но не теперь.

Теперь скверна внутри него должна была определить его судьбу, направить его на путь борьбы со злом. Он стал лучшим среди сокурсников. Он столько вложил в свое треклятое будущее. Быть Ищущим – это все, чего он по-настоящему хотел и что на самом деле умел. Где ему еще искать себя, если не в корпусе Ищущих и Следящих? Здесь была вся его жизнь. Святые, а что же скажет на это Герман? Что скажет Хейли?

Пожалуйста, светись, – взмолился Малкольм, и на ту пару мгновений, что камень не реагировал на него, сердце будто замерло. Эти две секунды растянулись на две пульсирующие непроглядной безнадегой вечности.

Но камень засиял снова. Сцена залилась ярко-синим свечением, от которого лица комиссии в первых рядах заметно помрачнели. Малкольму этот свет даже принес облегчение. Его не вышвырнут из корпуса. Но радость длилась всего секунду, а затем он вновь посмотрел на Хейли и, словно в калейдоскопе, увидел ту жизнь, о которой иногда позволял себе мечтать и которой у него никогда не будет. От бессилия и отчаяния его тянуло выть.

– Нет, – прошептал Малкольм, чувствуя, как утяжеляется дыхание. – Нет, нет, нет, нет…

– Курсант Кросс, – мягко обратился к нему профессор Фром, покачав головой. – Уберите руку с камня, пожалуйста.

Малкольм послушался и растерянно сделал шаг прочь от кафедры. Тишина в зале зазвенела от напряжения и тревоги. Краем глаза Малкольм заметил, как пришедший в себя Кифер тянет Хейли за руку вниз, заставляя ее сесть на место. Члены комиссии в первых рядах продолжали, хмуря брови, показывать друг другу список курсантов, в котором ясно значилось, что Малкольм Кросс в восьмилетнем возрасте был проверен на уровень осквернения и предварительно определен в Ищущие.

– Он неисправен… – прошептал Малкольм, мстительно глядя на распределительный камень. – С ним что-то не так. Это какая-то ошибка…

Хайнрих Фром подошел ближе и покачал головой.

– Курсант Кросс, успокойтесь. Ситуация нестандартная, но такое прежде уже случалось в академии. Запаситесь терпением. Мы обязательно во всем разберемся.

– И определите меня в Следящие? – упавшим от отчаяния голосом спросил Малкольм.

Фром неопределенно пожал плечами и посмотрел на камень.

– Ситуация неоднозначная, курсант Кросс. Нужно время, чтобы ее решить. Делать выводы пока рано. Вернитесь на свое место в зале.

Фром кивком направил Малкольма к спуску со сцены. С каждым шагом ноги будто наливались свинцом. Малкольму казалось, что он вот-вот рухнет, как подкошенный, и останется лежать посреди церемониального зала безвольной тряпичной куклой. Он и чувствовал себя тряпичной куклой – одной из таких, какие шьют дети, попадающие в работный дом. Глаза обожгло слезами, которых он не мог себе позволить. В памяти снова и снова всплывало ненавистное синее свечение распределительного камня. Как такое могло произойти? Почему, тьма его забери, это случилось именно с ним?

На негнущихся ногах Малкольм дошагал до шестого ряда, пробрался к своему месту между Хейли и Кифером и сел, будто сломавшись. Он чувствовал, как каждый сокурсник, мимо которого он проходил, провожал его взглядом, но не мог посмотреть ни на кого в ответ. Лишь опустившись на сиденье рядом с друзьями, он осмелился поднять глаза и понадеялся, что ему удастся не разрыдаться. Хейли смотрела на него с грустью и будто бы с мольбой, словно он мог что-то сделать, мог заставить дурацкий камень загореться нужным светом.

Малкольм разозлился на нее за эту мольбу. Это не ее мир только что рассыпался в прах, а его! Это ему нужно умолять кого-то все исправить. Просить ректора сделать исключение, сдавать любые экзамены и проходить любые проверки, какие только потребует комиссия.

Лишь бы стать Ищущим.

Не Следящим, нет. *Только не Следящим!* Не одним из этих ленивых снобов, которые не поднимают задниц с насиженного кресла, пока кто-нибудь из активных свидетелей силком не потащит их взглянуть на подозрительного горожанина или не упадет в обморок в процессе обивания порогов этих кабинетных крыс!

Малкольм помнил Следящего, с которым Герман привел его поговорить десять лет назад. То был грузный обрюзгший мужчина с вьющимися бакенбардами. Он носил форменную

шляпу-цилиндр даже в кабинете – видимо, прикрывал масштабную залысину, лишавшую его должной солидности. Кабинет был холодным и казался сырым в темном серокаменном здании, и Следящий сидел за столом в огромном кресле, обитом кожей, не снимая темно-синего кителя, пуговицы которого едва не трещали от напряжения на его выдающемся вперед животе. Историю Малкольма, которую пересказывал Герман, он выслушивал с недовольным скучающим видом, словно про себя сетовал Святым на свою тяжелую долю. Если б эти двое не заявились к нему с утра пораньше, его бесполезный день прошел бы гораздо лучше. Самого Малкольма тот Следящий о подробностях почти не спрашивал и косился на него презрительным взглядом, как на уличного оборванца.

Выйдя из отделения, Герман дал волю своему раздражению и несколько минут непрестанно ворчал на Следящего и в красках описывал, что это еще не худший представитель их профессии. Почти все Следящие – бесполезные ленивые олухи, которые готовы на все, лишь бы сидеть в тепле и ничего не делать. Малкольм тогда злорадно подумал, что с теплом в промозглом кабинете этого борова дела обстояли неважно. Он с первой встречи невзлюбил это ленивое отделение корпуса и не мог взять в толк, зачем их вообще обучают и распределяют по рабочим местам, если они ничего не хотят делать. Герман полностью разделял негодование своего малолетнего подопечного, рассказывая о том, что Следящие просто просиживают зад за республиканские деньги.

Если бы Герман узнал, что Малкольму предстоит стать Следящим, он наверняка оборвал бы с ним все контакты. От мысли об этом у Малкольма снова защипало глаза.

– Дружище, это должно быть ошибкой. – Кифер нарушил тяжелое молчание первым. – Не может такого быть, чтобы тебя определили в сид… – он запнулся, прочистил горло и неловко улыбнулся, – в *Следящие*. Ты же стал лучшим на курсе!

Малкольм слабо улыбнулся, но улыбка быстро увяла, как только прозвучал упавший голос Хейли, озвучивший его собственные страхи:

– Да, только распределение зависит не от успеваемости курсанта и не от его результатов по физподготовке и учебе. Распределяют в зависимости от уровня скверны в теле человека. А уровень Малкольма недостаточный для Ищущего. В этом случае он будет лишен ключевых способностей, которые нужны в этой работе. Ищущий должен чувствовать скверну, уметь находить источники и запечатывать их. – Хейли посмотрела на Малкольма с жалостью, от которой его передернуло. – Я уверена, что, если ты встретишь осквернённого, ты сможешь с ним справиться. Но все остальное… – она скорбно покачала головой, предпочтя не добивать его своим вердиктом.

Малкольм плотно сжал челюсти, не зная, что ей ответить. Сейчас он почти ненавидел Хейли за то, что она была права. Кифер, как мог, буравил ее взглядом и пытался намекнуть, что не стоит сейчас об этом говорить. Малкольму хотелось провалиться сквозь землю. С каждой секундой надежда на то, что с распределительным камнем произошла ошибка, таяла. Курсанты продолжали выходить на сцену один за другим, и для каждого из них камень загорался тем светом, которым и должен был.

– Курсантка Хейли Энкель! – позвал профессор Фром.

Хейли тихо ахнула, однако быстро взяла себя в руки, расправила плечи и, держа идеальную осанку, уверенной походкой направилась к сцене. Клятву она произнесла с гордо поднятой головой, громко и четко. От ее прикосновения к камню сцена озарилась зеленым светом, определившим ее дальнейшую судьбу.

Кифер с сочувствием посмотрел на Малкольма.

– Она ведь говорила, что такое случалось. – Он постарался снова приободрить друга. – Твой случай не единственный. Наверняка с ним разберутся и определят тебя, куда надо. Может, дадут пройти какую-нибудь другую проверку. Они должны все исправить.

Малкольм тяжело вздохнул.

Ему страшно хотелось согласиться со словами Кифера и потребовать у руководства академии, чтобы оно все исправило. Но проблема заключалась в том, что члены комиссии *не должны были* ничего исправлять. Они вообще ничего не были *должны* Малкольму. Его приняли в академию, потому что он получил дозу скверны из источника, и степень осквернения определила его в Ищущие. Ни Герман, ни даже ректор академии не принимали решения о том, с какой меткой ему выдать униформу. Это решили кулоны из священного камня, и с ними никто не спорил. И сейчас не будет. Но почему, почему, тьма его забери, десять лет назад кулоны Ищущих показывали зеленый уровень?

– Да, Хейли так и сказала, такие случаи бывали, – хрипло ответил Малкольм. – И Ищущих призывали к ответу, выясняли, почему возникла ошибка. Но искали ее в *изначальной* проверке. Результат распределительного камня никто под сомнение не ставил. И Хейли не сказала, что этих курсантов распределили в те потоки, куда им хотелось. Наверняка их распределили туда, куда указал камень, а Ищущим, допустившим ошибку, сделали выговор или наказали как-то иначе.

Кифер поджал губы и сник. Он старался обнадежить друга, как мог, но, похоже, и сам не слишком-то верил, что решение камня можно оспорить. Малкольм мрачно посмотрел на Кифера, размышляя, как будет строиться их дальнейшее общение. После распределения Ищущие и Следящие крайне мало контактировали друг с другом. Но ведь ситуация сложилась из ряда вон выходящая. Кифер и Хейли знают, что Малкольм совсем не похож на Следящего. В душе он всегда был и будет Ищущим. Не перестанут же они общаться с ним только потому, что его определили на другой поток? Или…

Хейли вернулась на место с чрезвычайно виноватым видом, однако казалась более расслабленной. Она неуверенно взяла Малкольма за руку и едва заметно улыбнулась ему – так, как обычно улыбается учителям. От выражения ее лица у Малкольма в груди кольнуло. Он высвободил свою ладонь из руки Хейли, пока она не почувствовала, как он холодеет от страха и отчаяния. Лицо Хейли помрачнело, она опустила взгляд, но не стала предпринимать новых попыток прикоснуться к Малкольму или поговорить с ним. Он бы многое отдал, чтобы понять, о чем она сейчас думает. Предчувствия на этот счет у него были одно другого хуже.

Вскоре Хайнрих Фром назвал имя Кифера. Поход к сцене, клятва, прикосновение к камню – и снова зеленое сияние. Все, как у всех, ничего необычного. Малкольм опустошенно смотрел, как просиявший друг возвращается на место, получив свое «Поздравляю вас, Ищущий Йейтс!».

В зале будто стало холоднее и тусклее. Малкольм сидел, вперившись в доски старого паркета, и мысленно проклинал этот день. Церемония для него тянулась бесконечно. Каждый раз, когда вызывали нового курсанта, он с замиранием сердца ждал, что еще хоть у кого-нибудь произойдет такая же ошибка. Но на всех остальных камень реагировал, как должен был. Все получили то, чего больше всего хотели. Кроме него.

Когда последний курсант выслушал свое поздравление и вернулся на место, на сцену снова вышел ректор.

– Вот и еще один год ознаменовался распределением старшекурсников по потокам. Теперь ваше обучение станет более углубленным, вы получите все необходимые знания и навыки, чтобы после поступить на службу республике и продолжить дело Святых. Не скрою, ваш путь тернист и непрост! У многих из вас он сопряжен с большими опасностями, и я буду молиться Святым, чтобы каждому из вас сопутствовала удача. В добрый путь, курсанты! Следящие направляются в восточное крыло коридора, помощники деканов распределят вас в новые комнаты общежития старшекурсников. Ищущим – в западное крыло, тоже подходите к помощнику декана. Да прибудут с вами Святые!

Церемониальный зал наполнился шорохом, курсанты вскочили со своих мест и после дверей начали расходиться в разные стороны коридора, воодушевленно обсуждая, кто с кем будет меняться комнатами, чтобы жить с близкими друзьями.

Кифер и Хейли подниматься со своих мест не спешили. У обоих был виноватый вид, и выглядели они так, будто сидели на иголках. Малкольм чувствовал их напряжение: друзьям тоже не терпелось завершить распределение и официально начать жизнь старшекурсников. Но это значило оставить его одного, и совесть не позволяла им этого сделать.

Они ждут, что я сам их прогоню, – понял Малкольм и вместо благодарности испытал к Киферу и Хейли злобу. – *А если я так и буду сидеть молча, в какой момент они не выдержат и уйдут навстречу своей новой жизни?*

Ему вовсе не хотелось облегчать Киферу и Хейли муки совести, ведь он чувствовал, что собственная радость волнует их куда больше, чем его беда. Они все еще сидят здесь только потому, что не хотят чувствовать себя подлецами.

– Хватит, – обреченно буркнул Малкольм.

– Что «хватит»? – тихо спросила Хейли, умоляюще посмотрев на него.

– Сидеть здесь с видом смертников и ждать, пока я попрошу вас уйти. Вы ведь все равно это сделаете. Вам просто хочется, чтобы я упростил вам задачу.

Хейли тихо шмыгнула носом и быстрым движением смахнула наворачивающиеся слезы.

– Не надо, – поморщилась она. – Ты говоришь так, будто нам бросить тебя – раз плюнуть. Как будто нам все равно. Но это не так! Нам тоже непросто! – голос Хейли постепенно набирал силу. – Никто из нас не ожидал, что так получится! И мы в этом не виноваты! Этого вообще не должно было случиться!

Она посмотрела на Малкольма с обвиняющим жаром, как если бы он сам устроил весь этот переполох. В ответ на ее слова в Малкольме закипела небывалая ярость. Ему даже показалось, что он почувствовал шевеление скверны внутри себя. Впрочем, если он и вправду Следящий, разве может он всерьез что-то такое ощущать?

– Непросто? *Тебе?* – Малкольм едко усмехнулся. – По-моему, *тебя* распределили, куда надо! У тебя все, как всегда, пошло по плану, Хейли. Ты папина гордость и мамина радость. Ты будущая Ищущая, безупречная и непогрешимая. Только вот встречаться со странноватым Следящим, скорее всего, в твои планы не входило. Уж прости, что разочаровал!

Хейли уставилась на него огромными от возмущения глазами.

– Малкольм, – Кифер со значением опустил руку на плечо другу, – ты перегибаешь. Хейли не виновата в том, что с тобой произошло. И никто из нас не виноват.

Малкольм одарил его еще одной ядовитой ухмылкой.

– Да. Виновата моя осквернённая мать, которая утащила меня к источнику и сотворила со мной, Святые знают что, – холодно процедил он. – Мне стоит быть благодарным за одно то, что камень сегодня не горел красным!

– Малкольм… – с грустью шепнула Хейли, но больше ничего не сказала.

– По-моему, ему надо остыть. Ты бы тоже была не в своей тарелке, если бы тебя распределили не на свой поток, – заключил Кифер.

– Курсант Кросс! – громко окликнул Хайнрих Фром, отделившийся от комиссии, с которой он только что вел приглушенную беседу. – Подойдите сюда, будем разбираться в вашей ситуации. Остальных попрошу побыстрее покинуть зал!

Курсанты, которые до этого нарочито долго возились со сборами, почти мгновенно направились к двери. Кифер и Хейли постояли рядом с Малкольмом еще пару секунд, затем почти одновременно глубоко вздохнули.

– Идем, Хейли, – сказал Кифер, приобняв подругу за плечо. – Нам действительно пора. – Он посмотрел на Малкольма и досадливо цокнул языком. Выражение его лица подернулось прохладцей. – Увидимся, – небрежно бросил он.

Малкольм ничего не сказал, хотя ему казалось, что от него чего-то ждут.

– Курсант Кросс! – снова позвал профессор, теперь уже стоявший у сцены.

Малкольм повернулся спиной к друзьям и побрел к распределительному камню, не оглядываясь. Теперь, когда он остался один на один со своей бедой, он пожалел о том, что сорвался. Зачем-то наступил Хейли на ее «больную мозоль», чуть ли не обвинил их с Кифером в ошибке своего распределения. Теперь они точно отвернутся от него. Будут считать одним из этих противных Следящих, с которыми не стоит лишний раз иметь никаких дел. От этой мысли Малкольм почувствовал себя страшно одиноко и захотел догнать Кифера и Хейли, чтобы извиниться перед ними. Однако проблема распределения сейчас стояла куда острее.

– Курсант Кросс, – с сочувствием покачал головой профессор Фром, – я догадываюсь, насколько вам сейчас не по себе. И все же я вынужден просить вас собраться с силами и ответить на вопросы комиссии. Вы сможете?

Малкольм с надеждой посмотрел в первые ряды зрительного зала.

– Пожалуйста, отправьте меня в Ищущие! – попросил он. – Я не понимаю, что произошло и почему камень на меня так реагирует. Но десять лет назад меня проверяли, причем проверяли несколько раз, и каждый раз свет кулона был зеленым! Это должно быть какой-то ошибкой!

Проректоры переглянулись и разом посмотрели на ректора. Тот встал со своего места и подошел к Малкольму, по-отечески положив руку ему на плечо.

– Ох, юноша, – протянул он. – Ваша ситуация особая. Она отличается даже от тех редких случаев, когда курсантов определяли не на свой поток из-за ошибки их собственных родителей. Вас проверял Герман Ленске. Он уже тогда был опытным Ищущим, а теперь стал Старшим и имеет непререкаемый авторитет. Сомневаться в его навыках проверки не приходится.

– Его проверяли и в академии, – напомнил профессор Фром. – Результат был тем же. Зеленое свечение кулона Айко Магнуса.

Ректор фон Бергер кивнул, благодаря профессора за уточнение.

– Кажется, ты тоже тогда присутствовал, Хайнрих?

– В качестве наблюдателя, господин фон Бергер. Курсант Кросс был определен в Ищущие на основе нескольких проверок, правильность проведения которых не вызывает никаких сомнений.

– Любопытно, любопытно, – задумчиво пробормотал ректор, извлекая из кармана белый накрахмаленный платок и аккуратно промокая им уголки губ. – Похоже, дело в вас самом, курсант Кросс. Ваша история попадания в академию не знает аналогов. Обыкновенно такие, как вы, получают смертельную дозу осквернения и подлежат уничтожению. Но вам повезло, и скверна проникла в вас не в таком большом количестве, как могла бы. В отчете Германа, приложенном к вашему личному делу, значится интересная деталь: в самом начале, когда вас проверяли в лесу при еще открытом источнике, свечение кулона было красным.

Малкольм похолодел.

– Так точно, – надтреснутым голосом подтвердил он. – Герман сказал, что это было влиянием источника.

– Он это *предположил*, – зачем-то поправил его ректор.

– Что вы имеете в виду? – спросил Малкольм, чувствуя, как от волнения у него начинает скручивать желудок.

– У меня есть две гипотезы, и одна безумнее другой, – нахмурился фон Бергер. – Либо количество скверны в вас действительно изменилось со временем, и первая большая доза оказалась остаточным влиянием источника… – он помедлил, прищурившись, – либо вы высший осквернённый. Или, по крайней мере, способны им стать, если получите больше скверны.

Малкольм распахнул глаза в ужасе и сделал шаг прочь от ректора. Если комиссия придет к такому выводу, ему грозит немедленная смерть. Никто не будет обучать высшего осквернённого в академии.

– Господин фон Бергер, – вмешался Хайнрих Фром, становясь на одной линии с Малкольмом и будто закрывая его собой от атаки. – Это слишком серьезное обвинение, вам не кажется? К тому же, будь курсант Кросс высшим осквернённым, скверна бы в нем попросту не определилась. А она определяется. Просто не в том объеме, в котором определялась после взаимодействия с источником. Я всегда говорил: скверна плохо изучена. У нас слишком мало данных о таких случаях. Не так часто люди взаимодействуют с источником и остаются после этого собой. Вы думаете, если бы этот юноша был опасен, за десять лет он бы никак себя не проявил?

Проректоры оживленно зашептались. В их разговорах Малкольм расслышал не только собственное имя, но и имя профессора Фрома.

– Я думаю, дело в его матери, – продолжил Фром. – Я хорошо помню рассказ Германа. Он сказал, что мать до последнего проявляла к мальчику заботу и материнскую нежность. Возможно, у них действительно была сильная связь, которая не разрушилась после обращения несчастной в монстра. Вероятно, при проверке курсанта Кросса и Айко, и Герман наблюдали случай, куда больше похожий на известные нам ошибки родителей, проверявших собственных детей.

– Хотите сказать, доза определялась сначала как фатальная, а затем как приемлемая, потому что у этого юноши была сильная связь с убитой осквернённой матерью? На нем частично отражалось *ее* осквернение? – приподнял брови ректор.

– Да, и постепенно это сошло на нет. Теперь камень фиксирует только его собственную дозу. Которая оказалась минимальной, – продолжил свою мысль Фром. Он выглядел, как только что выпустившийся курсант, которому попалось интересное дело. Его удивительная энергичность могла бы раздражать Малкольма, если б он не говорил так заразительно. – Эта теория, конечно, плохо проверяема…

– Она почти безумна, Хайнрих, – заметила женщина с пепельно-белыми волосами, долговязая и тонкокостная, в черном кителе, делающем ее плоскую фигуру похожей на узкий вытянутый прямоугольник. Ее тон был таким же холодным и сухим, как она сама.

– Не более безумна, чем теория о высшем осквернённом в стенах академии, Матильда, – Фром беззаботно улыбнулся, как если бы они с коллегой вели простую светскую беседу. Ее надменный тон его нисколько не смутил, он будто не замечал его.

– То есть, ты настаиваешь на том, что этот юноша – обычный Следящий? – с нажимом спросила женщина.

– При отсутствии подозрительного поведения с его стороны за последние десять лет, я полагаю, что это наиболее разумная версия, – кивнул Фром.

Матильда Диккенс, – вспомнил Малкольм истории, ходящие по академии. – *Преподает основы республиканского права у Следящих. Говорят, она суровее любого осквернённого монстра. Святые, мне что, предстоит учиться у нее?*

– Но я ведь… я проявлял себя как хороший Ищущий… – встрял Малкольм, окидывая членов комиссии взглядом беспризорника. Здравый смысл советовал ему замолчать и не усугублять свое положение, пока его и вправду не признали высшим осквернённым, однако желание остаться в рядах Ищущих было слишком сильно.

– Идеологически и в учебе – да, – согласился декан Ищущих, выступив из группы членов комиссии. – Малкольм Кросс был представлен к похвальной грамоте как один из лучших курсантов. У него отличная физическая подготовка и твердые знания. Однако самый главный критерий, по которому курсанта определяют в Ищущие – это уровень скверны. А распредели-

тельный камень показывает уровень, подходящий Следящим. Курсанта Кросса следует определить туда.

– Но… – начал Малкольм, однако профессор Фром негромко кашлянул, призывая его замолчать.

– Молодой человек, – нахмурился ректор, – то, что вы очень *хотите* быть Ищущим, а вашим примером для подражания был Герман Ленске, еще не делает вас Ищущим. Решено. – Он повернулся к членам комиссии, чтобы озвучить свое решение. – Малкольм Кросс определяется на поток Следящих, и ему назначается срок испытания. Год. Если за этот год его способности будут из ряда вон выходящими, и он будет демонстрировать умения, присущие Ищущим, его дело снова будет рассмотрено на предмет перехода на другой поток. Пока мы примем решение, которое диктует распределительный камень.

Малкольм опустил взгляд в пол, чувствуя, как сердце пульсирует у него в ушах, а лицо предательски заливается краской.

Вот и все… – сокрушенно подумал он.

– Идите к помощнику декана Следящих, вам найдут комнату в общежитии. На этом у меня все, – сказал ректор с явным облегчением, как если бы только что избавился от головной боли.

Профессор Фром любезно указал Малкольму в сторону двери.

– Не забудьте взять свое новое расписание, курсант Кросс, – напомнил он. – Изучали-то вы расписание Ищущих.

Малкольм понуро кивнул. Фром похлопал его по плечу, чем заставил его вздрогнуть. На миг ему показалось, что он чувствует на плечах руки не профессора, а осквернённой матери, обратившейся в чудовище. Малкольм с трудом заставил себя отмести проклятое воспоминание.

– Не стоит так переживать о распределении. Быть Следящим – не так ужасно, как вы думаете, – ободряюще сказал профессор.

– Я должен стать тем, кого терпеть не могу, – буркнул Малкольм.

– Так станьте *хорошим* Следящим, курсант Кросс, – многозначительно улыбнулся Фром. – Не совершайте тех ошибок, за которые недолюбливают ваших товарищей. Пропагандируйте это другим. Меняйте уклад. Вам это под силу.

– С чего вы взяли? – устало спросил Малкольм. Этот день выпил из него все соки.

– С того, что такие идейные люди, как вы, в основном и меняют наш мир, – удивительно тепло и будто с надеждой ответил Фром и протянул ему руку. – Поздравляю вас, Следящий Кросс.

Малкольм пожал руку, не задумываясь, но, когда услышал поздравление, почти физический мороз пронесся дрожью по всему его телу, и ему вновь вспомнились лес и осквернённая мать. Он резко отдернул руку и покачал головой.

– Для меня это никогда не станет поздравлением.

– Я думаю, вы еще измените свое мнение.

На этом Фром развернулся и, заложив руки за спину, неспешно направился обратно в зал.

Глава 4

Академия Ищущих и Следящих занимала обширную территорию, огороженную кованым забором, выкрашенным в черный цвет. Каждый гладкий прут ограды венчала острая пика, что навевало множеству курсантов ассоциации с тюрьмой. Некоторые и вправду думали, что их держат здесь, как в темнице, потому что руководство почти не разрешало покидать территорию. Выходы согласовывались только по особым случаям и крайне неохотно. При этом курсантов академии в их характерной униформе частенько видели на улицах города и в торговых лавках, однако руководство предпочитало просто закрывать на это глаза, ведь когда-то само было на месте этих юношей и девушек с горячими сердцами и неуемным любопытством. Руководство понимало, что за время своего обучения, которое начиналось с семи лет и длилось вплоть до двадцати одного года, будущим Ищущим и Следящим успевали опостылеть корпуса из унылого серого кирпича, этот клятый забор, парк, пруд, общежития, трапезная и даже излюбленные места для тайных или романтических встреч. Ухоженная парковая зона превращалась для них в огороженную площадку для прогулок заключенных, пруд с утками – в скучную большую лужу, корпуса – в намозолившие глаз тюремные казематы, часовая башня – в глупый претенциозный шпиль, часовня – в обитель задумчивых и тоскующих.

У детей, отмеченных скверной, добрая часть жизни протекала в стенах академии. С семи до одиннадцати лет они учились в младших группах, и их программа ничем не отличалась от программы обычных городских школьников. С двенадцати до восемнадцати лет программа усложнялась, а учеников начинали называть курсантами, так как они переходили на средние курсы, и им добавляли несколько дисциплин, связанных с общими принципами работы Ищущих и Следящих. С восемнадцати до двадцати одного года курсанты переходили на старшие курсы и получали полную профессиональную подготовку для будущей службы.

Почти каждый курсант (за редким исключением) ценил и уважал свой путь. Но практически не было тех, кто за годы обучения не устал от однообразного пейзажа академии. Те, кто помнил теплое сытое детство в родительском доме, скучали по открытым улицам родного города или селения, по убегающим вдаль узким переулкам, по полотну железных дорог, по каткам, которые заливали на зиму на главной площади, и торговым лавкам.

Конечно, курсанты находили развлечения и на территории академии. Любимым местом для встреч, обменов, тайников и свиданий считалась водонапорная башня, почти всегда дающая хорошую тень и находящаяся в отдалении от ворот. В случае обнаружения, всегда можно было броситься врассыпную и спрятаться между хозяйственными пристройками. А после – вернуться в общежитие, как будто ничего не было.

Романтичные вечерние прогулки влюбленных пар частенько проходили не в парке, а возле часовой башни, считавшейся чем-то вроде местной достопримечательности. Ее проектировал известный архитектор Вильгельм Оттер, а строительство велось под руководством великого Адриана Сола, прославившегося на всю Октавию. Руководство всегда говорило об этом с гордостью, хотя реагировало с недовольством, когда кто-то извне пытался договориться о пропуске на территорию академии, чтобы на нее взглянуть. Для курсантов башня была просто башней и особенно манила к себе в зимний период – под снегопадом она приобретала чарующий вид.

Главные ворота академии охранялись привратником и большую часть времени были закрыты. Курсанты иногда бегали к ним и с тоской глядели через прутья забора на оживленную улицу Святого Себастьяна, что лежала прямо за оградой. Привратник, как ни странно, никогда не гнал их оттуда, а лишь следил, чтобы они не натворили глупостей и не попытались перебраться через забор. Впрочем, лезть на него никто не решался: никому не хотелось нани-

заться на пику подобно скрученной жареной колбаске с перцем, какие продает старый Йорн недалеко от вокзала. К тому же в заборе со стороны заповедного Леса Пилигримов, тянувшегося к востоку от территории академии, давно был организован тайный проход, которым пользовались все курсанты, желающие ненадолго ускользнуть в город. Курсанты настолько бережно хранили эту тайну от профессоров, что, даже вырастая и возвращаясь преподавать в академию, никому не рассказывали о проходе в заборе. Загвоздка была лишь в том, что проход был сделан и замаскирован больше сорока лет назад. И сейчас о нем знала добрая половина преподавателей, если не больше. Профессоры помнили самих себя и то, как их манил город, в который они пробегали по самой границе леса. Никому из них не хотелось углубляться в сам лес с густым неудобным подлеском, топкими болотами и старыми разрушенными хижинами прежних поселенцев, которых вынудили переехать в город более пятидесяти лет тому назад, когда республика всерьез озаботилась вопросом урбанизации. Лес Пилигримов объявили заповедной территорией благодаря тому, что там водилось несколько редких видов птиц. Вырубку леса запретили, строительные работы тоже, и это вынудило людей быстро согласиться на предложенное жилье в городе. От редких домов, которые еще сохранились с тех пор в лесу, остались одни полусгнившие остовы с провалившимися крышами. Курсанты, с детства приученные оценивать опасность условий, в Лес Пилигримов никогда не совались. И руководство академии смирилось с их тайным лазом в заборе. Все равно ведь проделают другой, если этот залатать. А этот – хоть известно, где.

А не сбежать ли через лаз в город прямо сейчас? Выбраться за забор и бежать, бежать, бежать… потом сесть на поезд и рвануть… куда угодно! Туда, где никто меня не знает, и представиться Ищущим? – с отчаянием думал Малкольм Кросс, нехотя переставляя ноги по пути из главного корпуса мимо запасных, почти всегда закрытых ворот без привратника, мимо тренировочной площадки по парковой территории в сторону общежития Следящих. В руках он держал идеально сложенную новую униформу: две выглаженные светло-серые рубашки, брюки и удлиненный мундир глубокого темно-синего – ныне ненавистного – оттенка. В кармане мундира бок обжигал листок с расписанием новых занятий.

Когда закончилось распределение, Малкольм на негнущихся ногах вышел из церемониального зала и направился к помощнику декана Следящих, который должен был выдать ему униформу и назвать номер комнаты, где ему предстояло жить. Увидев перед своим столом курсанта с нашивкой «И», помощник декана даже не стал скрывать своей растерянности и удивления. Долговязый, с лицом кофейного цвета и полными темными губами, он уставился на Малкольма, как на чужака, и несколько секунд разглядывал его.

– Та-а-ак, – протянул он после того, как пауза заняла собой несколько вечностей, – и что же мне с тобой делать?

Малкольм недовольно покривил губы и приподнял широкую темную бровь.

– Если верить профессору Фрому, вы должны выдать мне новую униформу и назвать мне мою комнату в общежитии… – он помедлил, прежде чем добавить последнее слово, – *Следящих*.

– Ладно, – вздохнул помощник декана, словно делая Малкольму великое одолжение, – подожди здесь. Я сейчас вернусь.

– И расписание! – крикнул Малкольм ему вслед. Он не знал, обратили ли на него внимание, потому что помощник декана не обернулся и не выказал никакой реакции.

Молодой человек ушел в глубину коридора и скрылся за поворотом. Видимо, отправился за формой. У него ведь было припасено точное количество комплектов, пошитых на курсантов с меткой «С». Как он мог вообразить, что потребуется комплект на еще одного человека? Малкольм понимал, что не мог винить помощника декана или кого-то из руководства за этот просчет, но ему страшно хотелось кого-то обвинить. Хоть на ком-то сорвать свою злость, от которой его разрывало на части. Ему сводило зубы от мысли, что произошедшее с ним – не чья-

то вина, а лишь стечение обстоятельств. Ему просто не хватило уровня осквернения, чтобы стать Ищущим, только и всего. Это не должно было так сильно ранить его. Но оно ранило.

Стоя в коридоре, Малкольм пытался вообразить себе свою дальнейшую судьбу и приободриться, но не видел ничего хорошего. Ищущие – уважаемые люди, имеющие дело с постоянным риском. На первых порах их, конечно, приставляют к более опытным напарникам. Некоторые предпочитают так и продолжать работать в парах. Однако в остальном состоявшийся Ищущий – полноценный сотрудник корпуса, получающий свои индивидуальные задания и четко знающий свое место и свое дело. Ищущих меньше, чем Следящих. В академии крайне редко набираются равномерные потоки, в основном на каждого Ищущего приходится от четырех до шести Следящих. Нынешний поток старшекурсников – почти равномерный и удивительно большой. И угораздило же Малкольма именно в этом потоке пополнить ряды проклятых *сидней!*

Как будто, учись я на другом курсе, ситуация бы как-то изменилась, – подумал Малкольм, и к горлу подступил горький тяжелый комок.

После окончания академии Следящих распределяют, куда придется. В крупных городах по несколько участков, в отдаленных деревнях бывает по одному участку на целый округ. И новоиспеченный Следящий никогда не занимает высокий пост. Первые несколько лет выпускники академии работают *помощниками* Следящих и выполняют за них всю грязную работу. Они опрашивают население, разбирают доносы, выезжают по заявлению о скандалах и ссорах в семьях, разбираются с преступлениями, причиной которых служит не скверна, а человеческие пороки. Их могут отослать патрулировать улицы, работать в анатомическом театре и учиться у тамошних умельцев, могут отправить разбирать происшествия на городских и сельских дорогах и даже решать скандалы из-за деревенского скота. Следящие (особенно новоиспеченные) почти никогда не имеют дел со скверной. Все происшествия с ней или с осквернеными достаются Ищущим. Почти не бывает так, чтобы осквернённого, скованного по рукам и ногам, доставили в участок для допроса. Так что основная работа Следящих — *следить* за порядком на вверенных им территориях и почти не встречаться со скверной. Другими словами, их клятва *продолжать дело Святых* – не более чем просто профанация. Дослужившись до высокого поста, большинство Следящих становятся чопорными, самодовольными тварями, познавшими власть и не желающими ударить палец о палец без личной на то выгоды. Они сидят в своих теплых креслах в участках и всем своим видом показывают, что с них хватит грязной работы. Собственно, за это в кругу Ищущих их называют *сиднями*. Это обидное прозвище, а Следящие не могут бросить своим коллегам в ответ что-то настолько же едкое. Они, конечно, зовут их *ищейками*, презрительно сравнивая их с бродячими псами и кривя как можно более мерзкую мину, однако все понимают, что им попросту нечего ответить тем, кто делает по-настоящему важное дело.

От мысли, что он станет одним из этих напыщенных, ленивых и обиженных на жизнь увальней с уязвленным чувством собственного достоинства, Малкольма передернуло, а от бессилия опять захотелось выть. Мог ли он подумать, что треклятое распределение сломает ему жизнь и разрушит все мечты и планы, которые он строил? Он должен был сражаться с осквернеными и оказаться в рядах Ищущих. Должен был! В том, что произошло на распределении, чувствовалось что-то неправильное до зубовного скрежета.

– Вот! – воскликнул помощник декана Следящих, возникнув прямо перед Малкольмом и заставив его подпрыгнуть от неожиданности. Заметив его испуг, помощник декана хитро прищурился и протянул ему идеально сложенную форму Следящего. Следом он протянул ему небольшой разлинованный и аккуратно заполненный плотный листок с расписанием. – Пришлось покопаться, чтобы угадать твой рост, но у меня на такие дела глаз наметан. Думаю, комплект будет тебе как раз. Но если что-то не подойдет, зайди ко мне, мы подгоним его по тебе.

Получение вторых комплектов состоится через три дня, когда будут сформированы и утверждены все списки курсантов. Тогда же можно будет сдать свою старую униформу.

Малкольм растерянно уставился на одежду в своих руках.

– А… – он запнулся, потряс головой, чтобы сбросить неуверенность, и решительно уставился на помощника декана. – А где именно будет выдаваться второй комплект формы?

Помощник декана на миг нахмурился, но быстро вспомнил, что перед ним курсант, никогда прежде не изучавший, где что находится у Следящих. Его интересовали подробности жизни старшекурсников другого потока.

– В третьей хозяйственной постройке, у нашей прачки. Она всем будет выдавать, и твоим ненаглядным ищейкам тоже. – Он отвел взгляд, явно пожалев, что позволил себе жаргонное слово при курсанте. Похоже, его уж очень оскорбляло то, что Малкольм совсем не рад перспективе оказаться в рядах Следящих. Взяв себя в руки, он с видом знатока посмотрел на Малкольма и многозначительно кивнул ему. – У тебя комната 303. – Он склонил голову набок, изучая неуверенно переступившего с ноги на ногу Малкольма, и снисходительно добавил, – третий этаж, западное крыло в общежитии Следящих. Думаю, раз хотел быть Ищущим, не запутаешься и нужный этаж найдешь.

Малкольм почувствовал, как предательски заливается краской. Ему вовсе не нравилось выглядеть потерянным и беспомощным перед этим типом, который наслаждался собственным превосходством. Даже работающий помощником декана молодой человек уже преисполнился присущего всем Следящим снобизма. Для Малкольма это лишний раз доказывало, что они все такие, и исключений нет.

– Спасибо, – нехотя буркнул он и начал разворачиваться, чтобы уйти.

– Эй, парень! – окликнул его помощник декана.

Малкольм удивленно обернулся. Обычно никто из руководства или преподавателей не использует столь фамильярное обращение к курсантам. Вроде как, им не полагается так себя вести, нужно подавать пример другим. Большинство предпочитает обращение «курсант» и фамилию. Иногда просто фамилию. Но чтобы «эй, парень»?

Высокий, вытянувшийся во весь свой внушительный рост помощник декана в тусклом свете керосиновых ламп, освещающих коридор главного корпуса, казался пугающим мрачным изваянием, будто выточенным из темного камня.

– Ты моего совета не просил, но я все же скажу. Ты бы не так явно демонстрировал то, насколько ты расстроен распределением. Тебе и так несладко придется: ты для Следящих чужак и вряд ли когда-нибудь станешь своим. Но если ты еще и будешь так открыто демонстрировать свою… – помощник декана поморщился и помедлил, будто подбирал самое подходящее слово к собственному выражению лица, – *брезгливость,* – басовитый, слегка гнусавый голос нарочито подчеркнул это слово, – тебя начнут открыто ненавидеть и жестоко травить. Не доводи до такого. Будь умнее. Ты, в конце концов, один, а против тебя может пойти целый курс.

Я не один! – запротестовал Малкольм про себя. – *У меня есть друзья…*

Горький ком в горле стал еще более ядовитым. Где они теперь, его друзья? Они станут Ищущими. С каждым днем различие между ним и ними будет все более явным. Может, первое время они и будут поддерживать с ним общение в память о старой дружбе, но на сколько их хватит? Как скоро Малкольм станет чужаком и для них?..

– Я это учту.

– Сделаешь себе одолжение, – усмехнувшись, сказал помощник декана.

Не было больше сил терпеть его высокомерие. Малкольм стиснул зубы и, не прощаясь, зашагал к выходу из главного корпуса. В церемониальном зале все еще шло какое-то горячее обсуждение – наверняка, говорили именно о его случае. Малкольм остановился и попытался прислушаться, но участники дискуссии говорили предусмотрительно тихо. До Мал-

кольма доносилось только неразборчивое бормотание. Он приник к замочной скважине высоких дверей и попытался что-то рассмотреть, но не увидел ничего примечательного.

Повернувшись спиной к дверям церемониального зала и привалившись к ближайшей стене, Малкольм почувствовал себя ужасно уставшим. Будто целый день ему приходилось бегать по тренировочной площадке без остановки. А ведь прошло всего полдня, не больше. Нужно было еще каким-то образом пережить расселение в комнату. Малкольм расстроился, что не спросил, с кем его поселили, но тут же отмел эту мысль. Это бесполезно. С кем бы ему ни предстояло соседствовать, никто не будет ему рад. Да и он ни к кому в объятия не бросится.

Мысль о том, чтобы сбежать, не покидала его до самого момента, как он поднялся по четырем каменным ступеням крыльца серого четырехэтажного здания со светло-песочными швами между кирпичами. Лишь остановившись напротив толстых двойных дверей, с обманчивой приветливостью выкрашенных в белый, Малкольм осознал, что сегодняшнюю ночь и множество других ночей, которые ждут его в ближайшие три года, он проведет здесь. Выть, как ни странно, уже не хотелось. Трагедия оставалась острой, но будто засела слишком глубоко, чтобы болеть открытой раной. Малкольм тяжело вздохнул, медленно выдохнул, мысленно подсчитывая секунды и нормализуя дыхание. Самообладание понемногу возвращалось к нему. Он взялся за медную резную ручку и потянул на себя дверь. Та отворилась без скрипа и шума, впуская его в просторную прихожую. У дверей стоял курсант из старших, который моментально расправил плечи и выпрямил спину, как только услышал, что кто-то идет. Похоже, он спал на посту… стоя.

Малкольм недоуменно уставился на дежурного, а тот, в свою очередь, изумленно вперился взглядом в него. Светлые брови сдвинулись, в серых глазах промелькнула неприкрытая враждебность.

– Тебе здесь чего, ищейка? – рявкнул дежурный.

– Если бы, – буркнул Малкольм себе под нос и, с вызовом посмотрев на дежурного, поводил у него перед глазами свертком своей новой униформы. – *Это* видел? Что это, по-твоему? Или вас, *сидней*, не учат даже цвета различать?

Дежурный сжал кулаки. Ему не разрешалось сходить с поста, но было видно, что у него руки чешутся разукрасить Малкольму лицо и как следует продемонстрировать ему то, как хорошо все Следящие различают цвета. Надо отдать ему должное, дежурный с собой совладал.

– Стало быть, это о тебе все говорят? – спросил он. Раздражение в голосе еще слышалось, но любопытство, по-видимому, пересилило. – Все так и гадают, к кому в комнату подселят ищейку. Даже ставки делают. – Пухлые губы растянулись в насмешливой улыбке. – Если назовешь номер своей комнаты, буду должен тебе небольшую услугу. Очень уж хочется выиграть.

Малкольм приподнял бровь. Ну, конечно. Как и любой Следящий, этот старается урвать максимальную выгоду для себя, не гнушаясь жульничеством.

Будь умнее. Ты, в конце концов, один, а против тебя может пойти целый курс, – вспомнились вдруг слова помощника декана. Сейчас, в этой враждебной обители, от его слов захотелось поежиться. Малкольм прикинул, что ему не повредит, чтобы этот белобрысый дежурный походил у него в должниках. Спросить с него можно будет какой-нибудь пустяк, однако он из старших курсантов. Он может быть полезным.

– Триста третья, – доверительно сообщил Малкольм.

– Не врешь? – недоверчиво прищурился дежурный. – Чтобы *ищейка* поддержал мою идею сжульничать в ставках?

Малкольм пожал плечами.

– Думай, как хочешь. Когда поставишь на другую комнату и проиграешь, вспомнишь мои слова, а долг я с тебя все равно спрошу. За информацию надо платить.

Дежурный осклабился и протянул ему руку.

– Смышленый ты для ищейки. Они ж все идеалисты и правдисты. Корчат из себя Святых.

Малкольм промолчал. Он не знал, что на это сказать. Ищущие и правда были идеалистичны и идейны. И многие из них были героями, продолжавшими дело Святых. Взять хотя бы Германа…

– Лукас Траумхерц, – протянув Малкольму руку, представился дежурный. Чистокровный октавианец, со светлыми, почти белыми волосами, белесыми ресницами и бровями, полными губами, впалыми щеками и серыми глазами. И имя чисто октавианское. Похоже, он Следящий из местных. Возможно, даже из Регенсбурга. Если так, его родители должны занимать неплохой пост. Наверняка и Лукасу достанется хорошее место при распределении на службу. В работе Следящими связи решали очень многое.

– Малкольм Кросс.

Рукопожатие состоялось. Лукас не отдернул руку, услышав это имя. До него то ли не докатилась история Малкольма о знакомстве с источником скверны, то ли он умудрялся не придавать ей значения.

– Я на третьем старшем курсе, – зачем-то сообщил Лукас. – После выпуска меня ждет анатомический театр Регенсбурга. Мой отец там главный городской коронер. Пойду к нему в ученики, а потом сменю его на посту. Он у меня уже в возрасте. Поздно остепенился. Стану ему достойной сменой, буду работать с самыми загадочными преступлениями в Регенсбурге!

Малкольм сдвинул брови. Он не ожидал ни самого откровения, ни такой темы для разговора.

Лукас Траумхерц оказался не только весьма воодушевленным и энергичным парнем, но и не метил в удобное кресло Следящего, а мечтал попасть в анатомический театр и… вскрывать трупы, как его отец? Трудно было поверить, что такая работа может кого-то воодушевить.

Третий курс. Выходит, ему двадцать лет, почти двадцать один? При этом говорит с радостью двенадцатилетки.

– Необычное стремление, – неловко пробормотал Малкольм.

– Все так говорят, – отмахнулся Лукас. – Просто мало кто может понять, какими завораживающими могут быть посмертные загадки, ответы на которые дают только покойники.

Его голос стал мечтательным, а взгляд будто затуманился. Малкольм поежился.

– Ты, должно быть, жалеешь, что Следящих после выпуска не распределяют на кладбища? – спросил он.

– Нет, ты что, – протянул Лукас. – Там так уныло и мрачно!

Малкольм совсем растерялся и не нашелся, что на это ответить.

– Я, наверное, пойду в комнату, – смущенно переступив с ноги на ногу, сказал он.

– Давай. – Лукас снова вытянулся на посту, выпрямив спину. – Эх, половина дня – свободные часы, а мне выпало дежурить. Не повезло.

Малкольм поспешил подняться по лестнице западного крыла на третий этаж. Ступеньки здесь были крутыми, с острыми углами. Даже удивительно, что за годы не обтесались – их словно специально подтачивали. Монументальные лакированные деревянные перила блестели и до сих пор призрачно попахивали свеженьким покрытием, которое нанесли в конце лета, пока курсанты проводили время в родительских домах. Между пролетами лестниц поблескивали чистые окна, натертые до полной прозрачности и открывавшие таинственный вид на Лес Пилигримов за забором.

Поднявшись на третий этаж, Малкольм увидел пустынный коридор, освещенный только тускловатым дневным светом из огромных окон. Керосиновые лампы еще не зажгли. Малкольм вспомнил, как в одной из летних газет прочитал, что ученые в Овнедсбурге начали экспериментировать с электричеством, которое удалось получить около десяти лет назад, и даже подумывают экспериментально сделать электрический свет в целом здании! Трудно было представить, когда революционные перемены докатятся до таких старых построек, как академия Ищущих и Следящих, но Малкольму нравилось воображать, что когда-нибудь в коридорах и

лекториях будет гореть гудящий электрический свет. Летом, когда они с Хейли решили сбегать на выставку научных достижений в Городской Музей Регенсбурга, как раз презентовали электрические лампочки и монструозные установки, высекающие молнии. Несколько дам в модных корсетах с кожаными вставками, украшенных медными завитками шляпах-цилиндрах и пышных многоярусных юбках упали в обморок. Хейли тогда держалась удивительно спокойно, хотя завороженный блеск в глазах при взгляде на молнии, созданные человеческой рукой, выдавал ее.

Хейли…

Малкольму стало тоскливо и мерзко от того, как он разговаривал с ней после распределения. Надо бы найти ее и извиниться. Он преисполнился решимости сделать это, как только заселится в комнату.

Идя по коридору и рассматривая рыжеватые металлические номерки на коричневых дверях комнат, Малкольм изучал общежитие: нежно-персиковые обои на стенах с белыми растительными орнаментами, медные отопительные трубы, уходящие в нижний этаж здания, где располагалась котельная, громоздкую лепнину на потолке, кожаные диваны в дальних углах коридора, слегка потертый паркет. Внутри общежитие старших курсов не так уж отличалось от предыдущего. Только внешняя белая дверь поначалу сбивала с толку.

Добравшись до комнаты 303, Малкольм собрался с силами и толкнул дверь.

Ему открылась спальня на трех человек. Паркет, лепнина и отопительные трубы здесь были такими же, как в коридоре. По стенам стояло три узкие кровати с чистым хлопковым бельем, в промежутках между спальными местами были подвешены три масляных фонаря, которые сейчас не горели. На маленьком столе стоял полный набор лучин в высоком стакане, а рядом лежало несколько коробок спичек фирмы «Хадсон и Ливингстон». Узкий шкаф, в котором должны были поместиться основные и запасные комплекты униформы в отсеке с вешалками, и немногочисленные личные вещи в отсеке с полками, притулился рядом со столом. На двух кроватях лежала старая серая курсантская униформа – одна аккуратно сложенная, другая свернутая комком. Под одной из кроватей Малкольм заметил кожаную сумку – видимо, как минимум, один из его соседей уже озаботился переносом личных вещей в новую комнату. Обойдя небольшое помещение, он нашел тяжелый чемодан, украшенный декоративными шестеренками и кожаными ремнями. Тот скрывался рядом с отопительной трубой. Стало быть, вещами озаботились оба соседа.

Малкольм сложил свою новую униформу на кровать и, недолго подумав, подсунул под нее листок с расписанием. Личных вещей в старой комнате у него почти не было – практически все ему дала академия, его ведь привезли сюда налегке, не позволив ничего забрать из старого дома. Да и что оттуда было забирать? Поношенные рубашки и бриджи с заплатками? Все, что он мог перенести сюда – это конспекты лекций прошлых лет и скопленные деньги, которые он зарабатывал каждое лето, как только республиканский закон позволил ему подрабатывать.

Переодеться, пока тут никого? – спросил себя Малкольм. В ответ в груди засвербела тоска. Нет, пора надевать ненавистную униформу еще не пришла. Пусть своим оттягиванием момента он ничего не решит, можно позволить себе побыть Ищущим хотя бы еще один день.

Оставив форму в виде сложенного свертка на кровати, Малкольм покинул комнату и направился к выходу из общежития.

Глава 5

На большой тренировочной площадке, занимающей почти два акра, располагались стрельбище, полоса препятствий, дорожка для кросса и чистая зона для борьбы и фехтования.

Перед полосой препятствий собралась группа курсантов в темно-зеленых кителях. Все они были знакомы Малкольму, потому что только сегодня он в их компании шел на лекцию профессора Грофта. Заметив его, группа резко оборвала разговоры и начала напряженно следить за его приближением. Малкольм остановился перед ними и с тоской оглядел бывших сокурсников. От него не укрылось, что некоторые – например, Леонард Асгер, – уже поглядывали на него с холодностью, с какой глядят на чужаков.

Найти Кифера среди группки зеленых кителей было несложно – он всегда выделялся своим внушительным ростом.

– Привет, – неловко поздоровался Малкольм.

Кифер, будто почувствовав, как к нему обратились взгляды некоторых сокурсников, вышел на несколько шагов вперед и хмуро посмотрел на юношу, которого еще утром называл лучшим другом. Молчание было колким и неприятным, от него хотелось сбежать, но Малкольм стоял и ждал, что Кифер скажет ему на скупое приветствие.

– Ты повел себя с Хейли, как осел, ты в курсе? – наконец, отчитал его друг.

– Знаю. Да и не только с ней. С тобой тоже. Мог бы попробовать оправдаться, но буду выглядеть, как типичный сидень, которому лишь бы прикрыть задницу. Прости, Кифер. Я и есть осел. – Малкольм тяжело вздохнул и протянул другу руку. – Если сможешь, не держи зла.

Кифер почти страдальчески поморщился, ухватил друга за протянутую руку и резко дернул его на себя, звонко хлопнув по спине в грубоватом объятии.

– Идиот! Мы же все за тебя переживаем, между прочим. Ты что, вообразил, будто мы тут же забудем о твоем существовании?

Малкольм отстранился от Кифера и неловко передернул плечами.

– Вообще-то, да. Я так думал.

Среди сокурсников пронесся легкий смешок.

– Гляжу, новую униформу не спешишь надевать, – заметил Вильям Теннинг.

– Подумываю украсть вашу и тайком пробраться на ваши занятия. Среди одинаковых кителей вряд ли кто-то меня заметит. Особенно если спрячусь за Кифером.

И снова прозвучал смех. Многие, наконец, расслабились и принялись тоже пожимать Малкольму руку и здороваться с ним, как будто давно его не видели. Лео Асгер ограничился суховатым рукопожатием и сдержанной полуулыбкой, давая понять, что для него Малкольм Кросс теперь чужой. Однако остальные приняли решение распределительного камня не так близко к сердцу.

Малкольм чуть не прослезился от теплой встречи с сокурсниками. Как ему хотелось не выделяться среди них серым пятном! Однако он заставил себя не думать об этом, чтобы не раскисать.

– А вы тут решили размяться и побегать по полосе?

– Проводим свободные часы с пользой, – гордо кивнул Кифер. Он был самым большим любителем физподготовки. Прежде они с Малкольмом часто соревновались и периодически передавали друг другу звание победителя. – Хочешь с нами?

Видят Святые, это было лучшее предложение за сегодняшний день.

– Спрашиваешь!

Кифер похлопал Малкольма по плечу и повлек его за собой для разминки. Остальные присоединились к привычным упражнениям, однако почти сразу стало ясно, что состязание будут проходить только Кифер и Малкольм.

Полоса состояла из двух дорожек, оканчивающихся сине-зеленым флагом корпуса. Целью было как можно быстрее добраться до флага, пройдя через расставленные на дорожках препятствия. Инструктор Магнус на площадке обычно засекал время на карманных серебряных часах с цепочкой и фиксировал лучший результат, однако сейчас его не было, поэтому курсанты решили обойтись без замеров.

– Что на кону? – весело поинтересовался Малкольм, окончив разминку.

– Хейли, – с усмешкой предложил Кифер.

На площадке воцарилась напряженная тишина. Замерли даже те, кто еще не закончил цикл упражнений.

– Что? – переспросил Малкольм, нахмуривая брови.

Пару секунд они с Кифером буравили друг друга взглядами, и блеск глаз приятеля показался Малкольму злым. Однако он почти сразу переменился, а на губах появилась добродушная улыбка. Кифер похлопал Малкольма по плечу.

– Расслабься, дружище, я пошутил. – Он подошел к стартовой линии и продолжил легкую разминку, как ни в чем не бывало.

Малкольм еще несколько секунд постоял, обжигая взглядом его затылок, затем с хмурым видом подошел к стартовой линии. Ему не понравилось, как прозвучало предложение Кифера. Даже в шутку. Настроение, едва начавшее приходить в норму, снова было безнадежно испорчено. Малкольм чувствовал, что во что бы то ни стало обязан выиграть это соревнование.

– У него такой вид, как будто он реально решил сражаться на полосе за внимание девчонки, которой тут нет, – усмехнулся Лео. – Гляди, Кифер, как бы он не столкнул тебя на одном из препятствий. Слышал, среди Следящих такое часто происходит.

Малкольм повернулся в его сторону.

– Пошел ты, Лео! – процедил он, готовый броситься на него.

Лео Асгер тоже двинулся вперед, сжимая кулаки. Несколько человек удержали его. Кифер же ухватил Малкольма под локоть и оттащил назад к стартовой линии.

– Эй, парни, вы чего? – с вытянувшимся от удивления лицом спросил он. – Лео, что на тебя нашло? Мы только сегодня все вместе шли на распределение.

– Но его распределили в Следящие, – низким, почти угрожающим голосом ответил Леонард. – Рано или поздно он неизбежно станет таким же, как все они. Мы не водим дружбу с *сиднями*.

Остальные переглянулись между собой и неловко промолчали. По их лицам было видно, что мысль, озвученная Леонардом, пронеслась у всех в голове, и им было нечего на нее возразить.

Малкольма чуть не затошнило от злости. Он собирался послать друзей к тьме и уйти, однако Кифер вновь потянул его за локоть и с укором посмотрел на Лео.

– Ищущие судят о людях по их поступкам, а не по их должности. И друзей они без повода во враги не записывают. Может, это тебя распределили не туда? – с вызовом отчеканил он.

Лео вскинулся и бросил в ответ несколько ругательств. От попыток кинуться на Кифера его вновь удержали руки двух сокурсников.

– Все, Лео, хватит. Иди, отдохни! – сказал ему крепко сбитый широкоплечий Матиас ван де Вальд. Он дернул Лео за ворот торчащей из-под кителя рубашки так, что едва не порвал ткань. Лео не без труда вырвался из его хватки, резким движением оправил непривычно сидящую форму и с видом оскорбленного праведника ушел с тренировочной площадки.

Кифер виновато пожал плечами и взъерошил пятерней короткие волосы, поглядев на Малкольма.

– Ты… извини. Не знаю, с чего он так.

– Мне дали срок испытания, – тоскливо сказал Малкольм. – Год буду учиться на Следящего. Если там буду проявлять себя как Ищущий, возможно, меня перераспределят.

– Тогда Лео собственные локти сожрет. Он спал и видел, как бы обогнать тебя по показателям, пока мы все учились вместе. Не хочет, чтобы ты маячил здесь после того, как тебя определили на другой поток, – рассудительно заметил Матиас. Это произвело свой ободряющий эффект.

Кифера же воодушевило то, что до этого рассказал Малкольм.

– Вот видишь! Ничего еще не решено! Так что и форму точно не стоит терять. – Он дружески хлопнул его по спине. – Ну что, начнем?

Малкольму все еще было слегка не по себе от шутки друга о Хейли и стычки с Лео, однако после слов Матиаса он почувствовал себя заметно лучше. Даже соревновательный азарт начал понемногу просыпаться.

– Давай. Проигравший купит победителю крендель из лавки старика Тома.

– Я люблю с корицей, – ухмыльнулся Кифер.

– Купишь мне соленый, – ответил Малкольм.

Они хлопнули друг друга по ладони и замерли на стартовой линии. Сокурсники стали по обе стороны от них.

– Приготовиться! – объявил невысокий бледнокожий Пол Гайден. – Пошли!

Кифер и Малкольм сорвались с места и бросились вперед.

Первым препятствием для каждого было круглое деревянное бревно, держащееся на двух невысоких постаментах по краям. По нему нужно было пробежать, сохраняя равновесие. Держать баланс на этом препятствии было куда важнее, чем двигаться быстро, потому что, по правилам академии, упавший с бревна считался проигравшим.

Малкольм сосредоточился только на равновесии. На этом препятствии Кифер обошел его, ведь шаг у него за счет высокого роста был шире, но оставалась возможность нагнать его на следующих этапах.

Кифер спрыгнул с бревна и, стараясь получить максимум от пары выигранных секунд, ринулся вперед.

– Давай, Кифер! – подбодрил кто-то из сокурсников. Малкольм не разобрал, кто это был, и не позволил себе обернуться. Злость придала ему скорости, и уже на втором шаге в лабиринте он поравнялся с другом и вырвался вперед.

Лабиринт представлял собой две деревянные стены высотой чуть меньше полутора метров с несколькими выступами, образующими змеевидный коридор. Здесь скорость сильно терялась на поворотах, и Малкольм, будучи более юрким, чем Кифер, прошел препятствие быстрее, намереваясь опередить его и на следующем этапе, который для курсантов с высоким ростом был одним из самых тяжелых. Препятствие называли «вверх-вниз». Оно состояло из поочередно стоящих друг за другом ограждений. Одно представляло собой небольшую балку, установленную на высоте чуть больше метра, а второе – узкую стену из деревянных досок примерно той же высоты.

Малкольм поднырнул под первую балку, выпрямился и перемахнул через вторую. Кифер отставал примерно на секунду или две. Малкольм быстрее проходил этап «вниз», а Кифер легче преодолевал этап «вверх», поэтому на шестом ограждении они сравнялись.

Выпрямившись, Малкольм помчался к снаряду, на котором мог победить Кифера только за счет скорости и быстрого перебирания руками. Препятствие состояло из двух плотно вбитых в землю балок, между которыми был натянут слегка провисающий канат. Кифер взобрался на балку быстрее и ухватился за канат, опередив друга на пару секунд. Малкольм едва не соскользнул с балки, но примерно на середине пути сумел развить хорошую скорость и вновь поравняться с Кифером.

До туннеля они добрались одновременно, и Малкольм постарался извлечь из своей юркости все, что мог, проползая по полому параллелепипеду длиной в два с половиной метра. Он знал, что Кифер будет двигаться быстро, но потеряет свою спасительную секунду, когда придет пора выбираться.

Теперь быстрее, – скомандовал себе Малкольм, распрямившись после последнего препятствия.

На короткой дистанции, отделявшей его от флага, нужно было перебирать ногами с огромной скоростью, чтобы обогнать Кифера, для которого бег был одним из любимых занятий.

– Давай! – завопил кто-то из сокурсников. Фаворит, которого он подбадривал, так и остался загадкой для обоих соревнующихся. В последний момент Кифер и Малкольм почти одновременно оттолкнулись и попытались добраться до флага в прыжке.

Налетев друг на друга, они сильно столкнулись и рухнули, крепко удерживая шесток флага и свободными руками потирая ушибы.

– Тьма тебя забери, Малкольм! – прогнусавил Кифер. – Ты из чего сделан?

– Тот же вопрос.

В голове немного загудело, и Малкольм с тихим стоном сел на землю, отпустив шесток.

Кифер тоже сел и снова крепко выругался, позволяя крови из разбитого носа потечь между распластанных ног, чтобы не запачкать новенькую униформу.

– Кажется, соревноваться со Следящими себе дороже, – усмехнулся он, решив, что это прекрасная шутка.

Малкольм с трудом не позволил себе съежиться, вскочил на ноги и протянул другу руку, чтобы помочь ему встать.

– Кажется, твой нос пострадал за правое дело. Ты опередил меня где-то на секунду, – неловко улыбнулся он, чувствуя, что его возненавидят все уставившиеся на него сокурсники, если он присвоит себе победу, которой не добился, ведь соревнование закончилось ничьей. – С корицей, говоришь?

Кифер зажал кровоточащий нос и досадливо уставился на друга. Он медлил несколько секунд, прежде чем принять его руку помощи и согласиться на победу. Однако все же сделал это.

– Давай, провожу в лазарет. Кажется, ты сильно приложился, – предложил Малкольм.

– Да ерунда, – гнусаво отмахнулся Кифер. – Уже останавливается.

– Не сломал? – обеспокоенно спросил Малкольм.

– У тебя не настолько крепкий лоб, – отозвался Кифер.

Сокурсники, видя, что вражда между ними не накалилась, заметно расслабились. Малкольм понял, что поступил правильно. Похоже, теперь ему придется постоянно следить за тем, что и как он делает, чтобы бывшие друзья и приятели не возненавидели его. Впрочем, часть все равно это сделает, как это сделал Лео Асгер.

Кифер достал из кармана чистый платок и зажал нос, который и впрямь уже переставал кровоточить. Малкольм виновато улыбнулся.

– Куплю тебе два кренделя, – пообещал он. – Один в качестве компенсации.

– Смотри, не перепутай и не купи с сахаром. Такие любит Хейли.

Кифер бросил это невзначай, но Малкольму снова не понравилось, как это прозвучало. Однако демонстрировать свою необоснованную ревность тому, кому только что случайно разбил нос, не стал. К тому же, Кифер дружил с Хейли еще до того, как Малкольм попал в академию. Их матери – подруги и даже когда-то были напарницами: Сабрина Йейтс была старше и обучала молодую Аманду Веллер, пока та не вышла замуж за прокурора Вильгельма Энкеля. Позже Аманда поменялась с коллегой, чтобы патрулировать окрестности Регенсбурга и быть

поближе к дому. Так что у дружбы Кифера и Хейли богатая история. Глупо ревновать только из-за того, что он знает ее вкусы.

– Кстати, насчет Хейли, – прочистив горло, сказал Малкольм. – Не знаешь, где она сейчас?

Кифер высморкался и поморщился, глядя на кровавый платок.

– А то ты не знаешь, где можно найти несравненную Хейли Энкель в свободные часы, – с коротким смешком ответил он. – Наверняка штудирует архивы академии.

Малкольму в словах друга послышался осуждающий тон, но он не понял, почему, и не решился спрашивать. К совету он решил прислушаться и, неловко улыбнувшись, поблагодарил друга.

– Спасибо. Пойду поищу ее. Стоит объясниться, ведь я сегодня… ну, ты сам знаешь.

– Угу, – немногословно согласился Кифер.

– Точно не отвести тебя в лазарет?

– Да говорю же, ерунда. Прошло уже. Иди давай. – Он махнул рукой в сторону главного корпуса. Малкольм кивнул и развернулся. Когда он уже отошел шагов на десять, друг снова окликнул его. – И, Малкольм! – подождав, пока на него среагируют, он по-наставнически добавил: – Не веди себя с ней больше, как осел!

Малкольму оставалось только снова кивнуть.

Интересно, – подумал он, – *Кифер специально подождал, пока я отойду, чтобы это услышали остальные?*

***

Над двустворчатыми библиотечными дверями, которые никогда не скрипели петлями, но при этом открывались с тяжеловесным металлическим грохотом, висела предупредительная табличка:

СОБЛЮДАЙТЕ ТИШИНУ!

Малкольм подождал несколько секунд, прежде чем отойти от только что закрытых дверей и двинуться глубже в зал. Библиотека академии была внушительной и простиралась на два этажа, заставленных книжными шкафами высотой почти до потолка. В каждой секции имелась передвижная лестница на колесиках, которую тщательно смазывали, чтобы она не издавала лишнего шума во время перемещения.

Старый библиотекарь в черной униформе, похожей на преподавательские кители, оглядел Малкольма с ног до головы тусклыми голубыми глазами поверх круглых очков в проволочной оправе и почти сразу потерял к нему интерес.

Среди библиотечных шкафов, из-за столов и с кожаных диванов, на которых сидели курсанты в серой, темно-зеленой и темно-синей униформах, разбившись на небольшие группки или поодиночке, летали призрачные шепотки. Здесь шептались даже дети младших курсов: тишину библиотеки, предписанную монументальной табличкой при входе, почему-то не хотел нарушать никто, так что старому библиотекарю почти никогда не приходилось выдворять отсюда нарушителей.

Малкольм прошелся по первому уровню, выискивая глазами Хейли. Он не видел здесь никого из своих бывших сокурсников, поэтому почувствовал себя спокойнее. Здесь никто не смотрел на него и не перешептывался о его истории, которая – он был уверен – уже успела разлететься по академии.

В какую секцию могла пойти Хейли? – спрашивал себя Малкольм. Почему-то мысль о том, что Кифер наверняка нашел бы ее быстрее, кольнула его, и он зашагал решительнее.

Мимо него проносились шкафы с художественными романами, научными публикациями, медицинскими книгами, учебниками по праву, сводами республиканских законов, книгами по естественным наукам, трудами религиозных мыслителей, мемуарами выдающихся служителей корпуса и многим другим.

На первом уровне Хейли не нашлась.

Малкольм дошел до металлической винтовой лестницы на второй уровень и неспешно поднялся, стараясь не сильно топать, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Второй уровень был заполнен шкафами и местами для чтения гораздо меньше, чем первый, и сюда поднимались реже. Секция с книгами располагалась в углублении прямо напротив огромных окон, тянущихся на оба уровня, однако все равно была скрыта в тени, поэтому здесь горели закрытые керосиновые лампы, за которыми следили с особой тщательностью, чтобы не допустить пожара. Узкий проход, начинающийся от лестницы, вел к невысокой деревянной балюстраде, выкрашенной в белый. Отсюда открывался живописный вид на первый уровень библиотеки и на заоконный пейзаж.

Повернув по пути узкого прохода, Малкольм остановился напротив книжной секции по левую руку от себя, и задумался, откуда начать. Таблички, любезно выставленные перед рядами шкафов, гласили: «История Октавии», «История Регенсбурга», «Учение Святых», «Искусство Печатей», «Известные дела осквернённых», «История Академии Ищущих и Следящих Регенсбурга», «Труды ректоров»…

Малкольм тяжело вздохнул. Хейли могло заинтересовать что угодно. Если она вообще была здесь. Он решил пройти между секциями, как при проходке лабиринта на полосе препятствий. Если Хейли здесь, то он ее найдет. Впрочем, в таком случае она должна искать книги, потому что сесть здесь было негде. Наверняка, найдя нужную литературу, Хейли пошла бы вниз, а там ее не было.

Ладно, я быстрее проверю, чем буду стоять и сомневаться, – одернул себя Малкольм и направился в первый ряд.

Его поиски завершились на шестом повороте, когда он зашел в секцию «История Академии Ищущих и Следящих Регенсбурга». Хейли сидела прямо на полу, не боясь запачкать новую униформу. Из-под темно-зеленых брюк, замаскированных под юбку, длиной до щиколоток выглядывали идеально зашнурованные форменные сапоги. Жесткий китель формы словно был создан для Хейли и сидел на ней превосходно, не скрывая, а только подчеркивая изгибы ее натренированного тела. При этом Хейли умудрялась сохранять видимую обманчивую хрупкость, а неизменные два хвостика создавали образ беззащитной доброй девочки.

Малкольм застыл, не зная, что ей сказать.

Она подняла на него глаза, и он заметил, что они раскраснелись и слегка припухли от слез.

– Хейли… – выдохнул он.

Она медленно поднесла палец к губам, призывая его сохранять положенную в библиотеке тишину. Даже будучи в расстроенных чувствах, Хейли Энкель не забывала о правилах. В них не вписывалось только то, как она сидела – на пыльном паркете в обнимку с какой-то старой книгой.

Малкольм подошел к ней и опустился на колени рядом.

– Ты… тебя кто-то обидел? – прошептал он. – Только скажи, и я…

– Не давай громких обещаний, Малкольм. Придется их все исполнять перед зеркалом.

Даже в шепоте Хейли слышались нравоучающие нотки.

Малкольм сглотнул подступивший к горлу ком.

– Что ж, пожалуй, мне все-таки стоит самому себе врезать, – прошептал он. – Хейли, прости меня. Я повел себя отвратительно на распределении. Даже оправдываться не хочу, самому от себя мерзко. Если б я знал, что ты… В общем, прости.

Она не отвечала, и он решил, что она вычеркнула его из своей жизни, как это сделал Лео Асгер и, возможно, еще несколько бывших приятелей.

– Ты не хочешь со мной разговаривать? – спросил он.

Хейли молча закрыла книгу, которую читала, и поводила ею у него перед лицом. Малкольм успел разглядеть название «Проверка учеников при приеме в Академию Ищущих и Следящих Регенсбурга». Он снова почувствовал, как к горлу подкатывает ком.

– Я пока не нашла здесь случаев, похожих на твой, – прошептала Хейли, – но должен быть выход из твоей ситуации. И я его найду, даже если ты будешь вести себя, как кретин.

Малкольм развернулся, сел рядом с ней и почувствовал, как полки шкафа неприятно врезаются в спину. И сколько Хейли так просидела?

– Я и есть кретин, – так же шепотом признал он. – Прости меня.

– Ничего, – вздохнула Хейли. – Если б меня распределили в Следящие, я бы, наверное, сошла с ума. Так что я понимаю тебя.

– Но говорить тебе гадости все же не стоило, – покачал головой Малкольм.

– Не стоило, – согласилась Хейли.

Она положила голову ему на плечо, и они просидели молча около минуты.

– Вообще-то, – начал Малкольм, – мне дали срок испытания. Сказали, что, если мне удастся проявить способности Ищущего, то мою ситуацию могут пересмотреть. Так что осталось всего-ничего: доказать, что распределительный камень, который никогда не ошибается, ошибся.

Хейли нервно хихикнула и тут же прикрыла рот рукой: звук показался ей слишком громким. Малкольм взял ее за вторую руку и поводил большим пальцем по немного шершавой коже тыльной стороны ее ладони. Хейли повернула руку и переплела свои пальцы с его.

– Все будет хорошо, – заверил ее Малкольм.

– Обещаешь?

Он кивнул.

– Кстати, я хотел предложить тебе сбежать, – с улыбкой шепнул он. – Так уж вышло, что я задолжал Киферу крендель с корицей. Даже два. Если зайдем в мою старую комнату, и я возьму деньги, можем прогуляться по городу. Побудем… просто собой. И плевать, какие у нас метки. – Не заметив решимости на ее лице, он подтолкнул ее. – Ну же, Хейли! Я хочу погулять с тобой, как летом. Обещаю купить крендель и тебе. С сахаром, как ты любишь.

Хейли тепло улыбнулась и потянулась к нему, чтобы поцеловать. Когда она отстранилась, на ее лице все еще читалась неуверенность.

– В чем дело? – спросил Малкольм.

– Если ты пойдешь в этой униформе, все будут думать, что я старше тебя.

– То есть, если я надену синюю униформу, никто не будет косо смотреть? – саркастически шепнул Малкольм.

Хейли думала всего пару секунд, затем осторожно отложила книгу и почти мгновенно поднялась на ноги.

– Ладно, пойдем, – согласилась она. – Сегодня свободный день, так что ничего важного не пропустим.

– Кто ты и что сделала с Хейли Энкель? – расплылся в улыбке Малкольм.

Она протянула ему руку, и вскоре они покинули библиотеку.

Глава 6

У лаза в заборе со стороны заповедного Леса Пилигримов Малкольм повернул два прута, в которые какие-то умельцы сорок лет назад умудрились протолкнуть длинную металлическую пружину, позволяющую отодвигать прутья и незаметно для чужих глаз возвращать их в исходное положение. Оставалось только поставить их так, чтобы разрез в металлическом пруте сверху и снизу не было видно, а сжавшиеся пружины и оставшаяся часть прута довершала маскировку.

Малкольм пропустил Хейли вперед. Она осторожно выскользнула к лесу и обернулась, ожидая его. Малкольм выбрался и установил прут в прежнее положение. Хейли нахмурилась.

– Уверен, что не опасно будет выходить в город со всеми заработанными деньгами? Может, стоило оставить какую-то часть в твоем, – она помедлила, прежде чем договорить, – *новом* общежитии?

Малкольм пожал плечами.

– Думаешь, моим новым сокурсникам я доверяю больше, чем «хищному и опасному» Регенсбургу? – усмехнулся он и тут же покачал головой. – Ошибаешься. Сидням веры нет, и ты это прекрасно знаешь. – Он одарил ее серьезным взглядом. – Хейли, ты же понимаешь, что куда бы меня ни распределили, я всегда останусь Ищущим? Принципы Следящих мне противны.

Хейли неловко покивала и протянула ему руку.

– Пойдем. Лучше нам поспешить, чтобы успеть прогуляться и вернуться до темноты.

Малкольм улыбнулся, взял Хейли за руку, и они побежали вперед, не отходя от самой границы леса и двигаясь вдоль забора, служившего им ориентиром и путеводной нитью.

Лес резко свернул вправо, а перед ушедшими в самоволку курсантами расстелилась широкая оживленная улица Святого Себастьяна. Пешеходные тротуары поднимались чуть выше вымощенной брусчаткой дороги, вдоль которой тянулись ряды газовых фонарей. По проезжей части сновали туда-сюда экипажи и новенькие кареты, украшенные декоративными медными трубами и плоскими шестеренками, чтобы соответствовать моде. Ими правили кучера с подкрученными длинными усами и в высоких цилиндрах, которые вместо старомодных лент украшали круглые толстые очки, похожие на те, что носят пилоты дирижаблей и аэропланов. Изредка на дороге можно было встретить редкие *мобили*, чем-то похожие на кареты по своей конструкции и скорости, только едущие без помощи лошадей и издающие привлекающий внимание шум, а вслед за ними тянулся густой след дурно пахнущего дыма. Однако, даже несмотря на это, мобили вызывали у горожан восхищение. Они были диковинкой, их можно было увидеть разве что в крупных городах, вроде Регенсбурга, однако газеты и выставки научных достижений пестрили пророчествами, что будущее – за мобилями.

Залюбовавшись чудом техники, Хейли и Малкольм почти не смотрели перед собой, поэтому едва не налетели на даму в высоких зашнурованных почти до колен сапогах на каблучке, брюках-галифе, корсете, расшитом механическими узорами, и блузе с рюшами. На поводке она вела маленькую болонку, которая предупредила курсантов возмущенным тявканьем, и те в последнюю секунду успели предотвратить столкновение. Услышав в свой адрес пару ворчливых замечаний, Малкольм и Хейли расхохотались и побежали вперед по тротуару, оббегая встречных прохожих. Каменные дома Регенсбурга в четыре-пять этажей гордо смотрели на них глазницами окон, в части которых уже начали зажигаться первые лампы. В облачном небе, навстречу клонящемуся к линии горизонта солнцу, медленно проплывали пузатые дирижабли. Впереди виднелся монументальный вокзал, откуда доносилось шипение и гудение паровозов.

По сравнению с жизнью в академии Регенсбург напоминал вечно гудящий улей. Казалось, он никогда не сбавлял своей сумасшедшей скорости. Афиши на монументальных трехсекционных столбах пестрели свежими объявлениями о спектаклях в ближайшем городском театре или о новой выставке. Чуть дальше ввысь тянулись высокие остроконечные храмы Святых – в Регенсбурге их было четыре, и все они располагались по углам Площади Избранных.

– Когда зажгутся фонари, – предупредила Хейли, – нужно будет возвращаться.

Малкольм не спорил. Он радовался тому, что выбрался из академии. Здесь, несмотря на разницу в цвете униформы, он снова чувствовал себя на своем месте рядом с Хейли. Вспоминал прошедшее лето, которое было для них самым счастливым. Дышал воздухом, вбиравшим в себя целый букет городских ароматов: мобилей, лошадей, мясных и хлебных лавок, уличных прилавков с излюбленными городскими закусками и остывающего камня. Не сказать, что весь этот букет был привлекательным, однако Малкольму он нравился. Здесь, в городе, он почти не чувствовал на себе давления своего прошлого. Здесь никто не знал о его осквернённой матери и об источнике, от которого он заразился скверной, так некстати решившей оставить ему лишь дозу, достаточную для Следящего.

Да отвлекись ты от этого хоть ненадолго! – приказал себе Малкольм, чувствуя, что опять начинает мрачнеть.

– Идем, – он припустил почти бегом, утягивая Хейли за собой. – Надеюсь, у Тома еще остались крендели с корицей и с сахаром.

Они повернули направо, перебежали оживленную дорогу, улучив момент, когда и карета слева, и черный мобиль справа были достаточно далеко. Хейли хихикнула, услышав недовольное ворчание усатого кучера, который явно думал, что может представлять опасность для резвых курсантов академии.

Вывеска «Лавка Тома» с любовно нарисованным завитым кренделем поманила их, из-за открывшейся двери после вышедшего покупателя послышался звон металлического колокольчика, а на улицу выпорхнули аппетитные запахи выпечки. Малкольм добежал до двери и поймал ее, прежде чем та успела захлопнуться. Пропустив Хейли вперед под еще один звон колокольчика, он с улыбкой заговорщика повернулся к старику за прилавком.

– Привет, Том! – поздоровался он с владельцем лавки.

– Малкольм! Хейли! – расплылся в щербатой улыбке Том. Его снежно-белые волосы, по-прежнему густые и вьющиеся, были уложены назад и схвачены специальной сеткой, без которой он не вставал за прилавок. – Почти месяц вас не видел. – Он оценивающе окинул курсантов взглядом и тут же нахмурился. – Малкольм, а ты чего в старой форме-то? У вас разве не должно было сегодня быть распределение?

Хейли опустила взгляд так, будто ее пристыдили.

– Да все нормально, Том, – заверил Малкольм, не желая выносить свою беду за пределы академии. – Форму просто подшивают по размеру. Я вытянулся за лето. Подготовленная мне не подошла.

Хейли на него не смотрела, и Малкольм думал, что ее поведение выдаст его с потрохами, но старина Том был вовсе не так внимателен. Он ничего не заметил, и на его губы вернулась улыбка.

– А, ну раз так, – протянул он, предпочтя не заканчивать свою мысль. – Вам с солью и с сахаром кренделька сделать? Моя Ингрид на кухне только недавно закончила свежую партию.

– Нужно два с корицей, один с сахаром и один с солью, – покачал головой Малкольм.

– А, для Кифера берете? – смекнул Том. – Он осилит два-то?

– Он осилит хоть дюжину, – отмахнулся Малкольм. – Будь его воля, он спустил бы на твои крендели все, что я заработал за лето.

Том уважительно хохотнул.

Когда пришло время платить, Хейли неуверенно шагнула вперед.

– Давай, я заплачу? – осторожно предложила она. Малкольм понимал, к чему она клонит. Ей-то, если что, денег может выделить отец, а Малкольму денег просить неоткуда. Только летом он сможет выйти на новую подработку или взять какую-то работу в деканате Следящих, но Хейли была уверена, что до последнего он никогда не опустится.

По правде говоря, Малкольму и самому не хотелось подрабатывать на Следящих. Через год он надеялся навсегда покинуть этот поток и забыть о своем испытании, как о страшном сне. Однако соглашаться на то, чтобы Хейли платила в лавке Тома – особенно за крендели, которые он задолжал Киферу, да еще и после его неоднозначных шуток, – было выше его сил.

– Нет, не нужно, я сам, – торопливо ответил он, протиснулся к прилавку и вытащил из кармана небольшую стопку денег, заработанных за лето. Том взял деньги, не обратив внимания на эту заминку, и сосредоточенно отсчитал сдачу монетами, после чего принялся расфасовывать только недавно приготовленные крендели по бумажным пакетикам.

– Держите, ребята, – добродушно сказал Том, протягивая им пакетики с кренделями. Хейли забрала свой и те, что предназначались Киферу. Последние она сложила в небольшую сумку, переброшенную через плечо.

– Заходите еще! – помахал им рукой Том.

Колокольчик звякнул на прощание, выпустив Малкольма и Хейли на улицу, на которой стало заметно темнее. Фонарщики уже обходили порученную им территорию и зажигали некоторые фонари вдоль дороги. Им предстояла большая работа, чтобы в ночное время Регенсбург не ослеп от темноты.

– Как же быстро осенью темнеет, – вздохнула Хейли, разворачивая пакет со своим кренделем. Она сначала с наслаждением принюхалась к угощению, и лишь после этого с аппетитом вгрызлась в него. На ее губах остались крупинки сахара.

Малкольм с улыбкой понаблюдал за ней, прежде чем самому развернуть крендель. Он никогда не мог есть много сладкого и не понимал, почему люди так падки на десерты. Он мог съесть одну-две конфеты и почувствовать желание срочно заесть их чем-то соленым. А вот соленое он обожал. В этом его не понимали ни Кифер, ни Хейли. Будь у них выбор, они ели бы сплошные десерты.

Вспомнив сегодняшнее соревнование на полосе препятствий, Малкольм нахмурился. У Кифера и Хейли действительно было очень много общего. И дружили они очень долго. Могло ли статься, что у Кифера на самом деле были виды на лучшую подругу? И теперь, когда распределение развело их с Малкольмом по разные стороны баррикад, он решил заявить об этом?

– Ты чего? – сразу заметила перемену в его настроении Хейли.

– Да так, – отмахнулся Малкольм. – Слушай, а как ты относишься к Киферу?

Хейли удивленно уставилась на него и отерла сахарные крупинки с губ.

– Что за вопрос такой? – спросила она.

Малкольм пожал плечами. Он понятия не имел, как объяснить свои внезапные подозрения.

– Да просто… – неловко буркнул он.

– По-моему, такие вопросы просто так не задают. – Хейли перехватила крендель двумя пальцами и уперла руки в боки. – Но если тебя так интересует мое отношение к Киферу, то мы с ним дружим лет с пяти. Он иногда ведет себя, как идиот, но он хороший. Почему ты спрашиваешь?

Малкольм вздохнул.

– Не бери в голову, – сказал он. – Давай лучше просто прогуляемся по городу, ладно?

– Малкольм, – Хейли шагнула к нему и со значением заглянула ему в глаза. – Распределение не изменило моего отношения к тебе. Или моего отношения к Киферу. Ты же это понимаешь?

Он кивнул, хотя ему не до конца верилось в слова Хейли. Будет она так же уверена в них, когда они начнут учебу на разных потоках? Когда будут пересекаться в трапезной, нося униформу разного цвета? Когда будут гораздо меньше времени проводить вместе?

Малкольм резко выдохнул, стряхивая с себя эти навязчивые мысли. Лучше не портить ими такой замечательный вечер.

– У нас есть еще около часа, – прерывая его размышления, заметила Хейли. – И, если ты все еще хочешь погулять, предлагаю дойти до улицы Стефана Вифилля.

Малкольм улыбнулся. Все-таки, даже если девушка – Ищущая, она остается девушкой, и витрины магазинов с модными нарядами и парфюмерные лавки привлекают ее. Он с досадой отметил, что не сможет побаловать Хейли ничем из того, что продается на улице Стефана Вифилля, на это не хватит даже всех тех денег, что он заработал летом – эта улица была обителью элиты Регенсбурга. Правда, Хейли никогда и не намекала, что хотела бы приобрести что-то с тех красивых вычурных витрин, ей просто нравилось разглядывать модные платья, цилиндры, украшения и флаконы с духами.

– Пойдем, – согласился Малкольм, не выказав особого энтузиазма. Впрочем, других идей у него все равно не появилось, поэтому он взял Хейли за руку, и они пошли на элитную пешеходную улицу Регенсбурга.

***

Оттягивать секретные прутья забора академии пришлось уже почти в полной темноте. По пути Хейли переживала, что они слишком задержались в городе и теперь непременно получат выговор. Малкольму ее волнение не передалось: его занимали собственные опасения. Сейчас он наверняка не застанет свою комнату в общежитии пустой, и ему предстоит встреча с соседями. Как они отреагируют на него? Перед приходом туда нужно все-таки заглянуть в свою старую комнату и унести оттуда те немногочисленные вещи, что остались у Малкольма со средних курсов. Больше нельзя оттягивать переселение, нужно принять правду: теперь он учится на потоке Следящих.

Хейли поправила прутья забора так, чтобы они, на ее придирчивый взгляд, идеально скрывали швы, и решительно побрела к дорожке, ведущей к общежитиям.

– Слушай, Хейли, – окликнул ее Малкольм, – мне еще понадобится зайти в свою старую комнату, собрать кое-какие вещи, пока она пустует. А то рано или поздно туда заселят новых курсантов. Мои вещи не могут весь испытательный год там меня дожидаться.

Хейли с грустью взглянула в сторону общежития средних курсов.

– Хочешь, чтобы я пошла с тобой? – спросила она. Самой ей этого не хотелось, Малкольм это видел, поэтому покачал головой.

– Нет, не нужно. Я и так тебя задержал в городе. Передашь крендельки Киферу?

– Без проблем. Я все равно собиралась к нему зайти, – с готовностью ответила Хейли. Малкольму это не понравилось, однако он осадил собственную всколыхнувшуюся ревность. Они и раньше виделись после уроков. Правда, в основном все втроем. Но что же Хейли теперь не общаться с Кифером? В конце концов, он оставался ее близким другом.

– Все хорошо? – настороженно спросила Хейли.

– Да. Конечно, – натянуто улыбнулся Малкольм. – Спасибо тебе.

У прошлого общежития они распрощались, позволив себе поцелуй. Малкольма не покидало ощущение, что прощаются они надолго, поэтому он очень нехотя отпустил руку Хейли, когда она отстранилась и виновато сообщила, что ей пора возвращаться.

Малкольм прошел в старое общежитие, перекинувшись парой слов с дежурным. Его без труда пропустили в комнату, хотя напутствие, что вещи следовало перенести еще днем, он все же получил.

В прежней комнате у него из вещей были только конспекты лекций прошлых лет, совсем немного одежды и обуви и канцелярские принадлежности. Он все уместил в одну сумку, даже не плотно ее набив. Уходя, Малкольм с тоской оглядел свою прежнюю обитель. Она мало чем отличалась от новой комнаты, однако для него была родной и привычной, тогда как комната 303 в общежитии Следящих казалась ему холодной и неприветливой. Именно так она для него и выглядела, когда он открыл дверь и увидел две пары враждебных глаз, направленных на него.

Первый сосед, Себастьян Штольц, был высоким крепко сложенным парнем, под стать Киферу, только шире в плечах. Он весь казался серым: невзрачные русые тонкие волосы, бледная кожа, бледные губы, серые глаза, обрамленные почти бесцветными ресницами. В академии его даже иногда называли Седым – вне его присутствия, разумеется, потому что нрав у него был вовсе не такой невзрачный, как черты лица. Скорее, он соответствовал его внушительному росту и сильным рукам, и Седой давал это понять всем, кто невзначай бросал в него этой неприятной кличкой.

Вторым соседом оказался парень примерно одной комплекции с Малкольмом. В волосах поигрывал рыжеватый блеск, лицо было усыпано веснушками, на светлой коже проступали редкие красные пятна, а на подбородке алели прыщи. Малкольм напряг память, чтобы вспомнить, как зовут этого сокурсника, но ничего не добился.

– Гляди-ка, Эльман, – пришла на помощь подсказка Седого, – эту *ищейку* все-таки подселили к нам. Надо было подпортить ему униформу.

Голос Себастьяна был злым и не предвещал ничего хорошего. Взгляд Эльмана (память в ответ на имя любезно достроила фамилию – Веллер) тоже выражал враждебность. Малкольм сразу понял: спокойно спаться ему в этой комнате не будет. Но если он так и продолжит стоять истуканом и таращиться на новых соседей с видом затравленного зверя, он такую роль на себя и возьмет. Вот только он понятия не имел, как сгладить углы. В конфликтах такого рода ему обычно приходило в голову только проявить ответную агрессию.

– Хотите портить мне униформу – ни в чем себе не отказывайте. Ножницы одолжить? – на губах Малкольма растянулась нехорошая улыбка. – Я всегда знал, что *сидням* не нравится собственная униформа, только они зачем-то это скрывают.

– Тебе рта раскрывать не давали, шавка осквернённая! – с угрожающим видом шагнул к нему Себастьян.

Перед глазами Малкольма пролегла алая пелена ярости. Кулаки непроизвольно сжались, и он приготовился к драке.

– Закрой пасть, Седой! – прорычал Малкольм. – Не то я тебе ее зашью.

Глаза Эльмана испуганно забегали, будто он принял угрозу Малкольма всерьез. Хорошо бы, она и на Седого так подействовала, только вот на него она произвела противоположный эффект. Он лишь сильнее рассвирепел и замахнулся для удара.

Малкольм среагировал быстро и ушел от атаки, увернувшись в сторону. Избежал он и второго кулака Седого, метнувшегося вслед за первым. Тренировки Ищущих выработали у него неплохую реакцию в драках один на один.

Малкольм уже собирался занести собственную руку для удара, но его остановил внезапно сорвавшийся с места Эльман, прошмыгнувший мимо Себастьяна. Малкольм даже успел удивиться: он был уверен, что после его угрозы Эльман испугался и решил держаться в стороне. Похоже, думать так было роковой ошибкой.

Малкольм понял, что его зажимают в ограниченном пространстве, и попытался оттолкнуть Эльмана, чтобы вырваться из тисков. Себастьян улучил момент и нанес ему сильный удар в живот, от которого Малкольм сдавленно вскрикнул и невольно согнулся. Эльман с другой

стороны ударил его под колени. Ноги подкосились, и Малкольм рухнул, лихорадочно хватая ртом воздух.

Себастьян самодовольно ухмыльнулся, пнув его в спину и опрокинув его с коленей на живот.

– Знай свое место, *ищейка*, – холодно сказал он, демонстративно плюнув на поверженного врага.

Поднимайся! Нельзя так оставаться! – скомандовал себе Малкольм, но выполнить собственный приказ не смог: последний удар Седого оказался слишком сильным, и после него все еще было тяжело даже дышать.

– Себастьян, это не перебор? – осторожно спросил Эльман. – Если он кому расскажет, нас могут исключить из академии…

– А ищейка никому не расскажет, – с едкой ухмылкой сказал Себастьян. – У них так не принято. Не так ли, шавка?

Малкольм попытался подняться, но тут же получил ногой в грудь. Удар был такой силы, что Малкольм задохнулся от боли и захрипел, схватившись за ушибленное место. Себастьян не останавливался, продолжая бить его то по спине, то по ногам, то по бокам. Малкольм не сомневался, что несколько ребер ему уже сломали. На задворках сознания он отметил, что по лицу его бить избегают. Не хотят оставлять видимых следов. Ситуацию усугубляло то, что насчет его принципов Седой оказался прав: если среди Ищущих случались драки, никто никогда не ходил жаловаться руководству академии. Это считалось позорным, все споры и конфликты Ищущие предпочитали решать самостоятельно.

Еще несколько ударов выбили из Малкольма жалкие сдавленные стоны. Он закашлялся, и на пол брызнула кровь.

Эльман ахнул и вцепился в рукав Себастьяна.

– Стой! Хватит! Ты же его так убьешь!

Только увидев кровь на полу, Себастьян, тяжело дыша, отступил.

Малкольм почти не помнил себя от боли. В ушах у него бился отчаянный пульс, перед глазами все плыло. Если ребра и не были сломаны, то трещины в них были точно, в этом не оставалось сомнений.

Себастьян подошел к кровати Малкольма и придирчиво изучил его униформу, лежащую на ней аккуратной стопкой. Хмыкнув, он взял ее и швырнул на пол рядом с избитым сокурсником.

– Вставай, – холодно бросил он. – Приведи себя в порядок. Сегодня поспишь в коридоре и подумаешь над тем, как уважать поток, на который тебя распределили. Если будешь паинькой, может, разрешу тебе тут спать. Но если будешь меня раздражать, тебе не поздоровится, понял? Добро пожаловать в Следящие, кусок дерьма!

Малкольм вновь откашлялся кровью на пол и попытался подняться.

Себастьян не стал ждать слишком долго и резко дернул его вверх за руку. От боли, взорвавшейся в левом боку и груди, Малкольм едва не закричал, но сил на крик не было, он мог лишь тихо застонать и опереться на стол, чтобы не потерять равновесие.

Эльман потянулся к форме, чтобы ее поднять, но Себастьян остановил его.

– Не надо. Сам поднимет. И пусть не запачкает, – холодно бросил он. – Запомни, Кросс, здесь, на этом потоке, ты не «лучший на курсе», а чужак, которому никто не рад. Еще раз услышу из твоего грязного рта слово «сидень», будешь свои зубы с пола соскребать, ты понял?

– Пошел ты, Седой, – проскрипел Малкольм, утирая кровь с губ. – Лучше сам спи в коридоре, чтобы я не придушил тебя во сне.

– Напугал, осквернённый, – с вызовом подняв голову, язвительно бросил Себастьян, хотя легкая дрожь в голосе все же мелькнула.

Малкольм упрямо покачнулся в его сторону, но попытка нанести удар выглядела жалкой. Ноги предали его, и он снова упал на колени, застонав от боли.

Себастьян оценивающе приподнял брови. Он присел рядом с Малкольмом на корточки и почти брезгливо взял его за подбородок.

– Ты угодил туда, где тебе не рады, Кросс. Ты либо станешь одним из нас и научишься понимать, что к чему, либо останешься изгоем до конца своих дней и будешь жаться к стенке. Если ты достаточно умный, то выберешь первый вариант и проглотишь свой снобизм ищейки. – Он сладко улыбнулся. – Но я буду даже рад поучить тебя хорошим манерам, если ты предпочтешь второй.

Малкольм рвано вдохнул и плюнул ему в лицо.

Седой вскрикнул, резко распрямился и отшатнулся, тут же начав лихорадочно отирать с лица и губ кровавую слюну. Эльман подбежал к нему и протянул платок.

– Тьма! В рот не попало? Ты же слышал про его мамашу… Вдруг он правда осквернённый?

– Не знаю… – хрипло выдохнул Себастьян, явно не без труда взяв себя в руки. Очистив лицо не дочиста, он постарался изобразить надменность вместо испуга и кивнул в сторону лежащей на полу униформы.

– Поднимай одежду и вали отсюда. Или я за себя не ручаюсь.

Эльман с опаской посмотрел на кровь, оставшуюся на полу.

– Лучше дуй в лазарет, – попытался скомандовать он, но вышло неуверенно и скорее обеспокоенно. – Скажешь, что с лестницы упал, – добавил он еще боязливее.

Малкольм с трудом поднялся, демонстративно проигнорировав темно-синюю униформу. Страх Эльмана немного придавал ему сил.

– Хотите другого соседа, сами переселяйтесь. Я не против личной спальни, – упрямо проскрипел он.

Себастьян досадливо цокнул языком.

– Похоже, ты все-таки выбираешь второй вариант.

Он сделал решительный шаг, всем видом показав, что готов продолжить кулаками вбивать уважение в новичка.

Вот и все, – промелькнуло в голове Малкольма. От боли он с трудом соображал, но предположил, что сейчас в комнате 303 может произойти первое убийство за всю историю академии. Он вяло попытался принять стойку для отражения ударов, хотя ноги почти не держали его.

Штольц усмехнулся, глядя на его жалкие попытки сопротивляться, и приготовился к атаке. Он уже не спешил наносить неожиданные удары, а смаковал свое превосходство.

– Себастьян… – тихо окликнул его Эльман.

– Ищейка сам напросился, – отмахнулся от него Седой.

Дверь в комнату вдруг распахнулась, и на пороге появились Матильда Диккенс и Хайнрих Фром. Позади них маячил испуганный дежурный Лукас Траумхерц.

Себастьян и Эльман тут же вытянулись и уронили руки по швам, а Малкольм лишь с трудом повернул голову в сторону двери, так и не опустив рук.

– Позвольте полюбопытствовать, что здесь происходит, курсанты? – сухим, как горящая бумага, голосом спросила профессор Диккенс.

Хайнрих Фром поправил очки. Он с интересом ждал, что ответят курсанты, хотя, похоже, их молчание говорило ему намного больше.

– Кажется, курсант Траумхерц не зря попросил нас зайти в эту комнату при обходе, Матильда, – не глядя на свою спутницу, сказал он, улыбнувшись, как человек, которому только что довелось по-крупному выиграть в карты. Его взгляд замер на Малкольме, и брови на мгно-

вение сочувственно напряглись, однако Фром тут же вернулся к своему прежнему настроению. – Господа курсанты, вы воды в рот набрали? Профессор Диккенс задала вам вопрос.

Себастьян напрягся всем телом, опасливо глянув на Малкольма. Глаза Эльмана выдавали испуг и лихорадочно искали, на чем бы сосредоточиться, чтобы придумать правдоподобную версию происходящего.

– Ну же, говори! – подтолкнул Лукас. – Я знал, что так будет, когда тебя увидел. Считай, я тебе больше ничего не должен, Кросс!

Фром оглянулся на него и медленно кивнул.

– Курсант Траумхерц, вернитесь на свой пост. Вас скоро на нем сменят, – сказал он.

Лукаса не пришлось просить дважды. Он ушел, не дожидаясь ответа старших первокурсников. А Малкольм понимал, что ответа ждут главным образом от него.

– Ничего не происходит, профессор, – тихо сказал он, медленно опуская руки и прерывисто дыша.

Матильда Диккенс скептически уставилась на него. Улыбка на лице Хайнриха Фрома начала медленно увядать. Взгляд сделался стальным и изучил пространство уже совсем по-другому. Так изучают место преступления в поисках знаков. Впрочем, здесь знаков было предостаточно: пятна крови, форма на полу, кровавые разводы от плевка на лице Штольца и едва держащийся на ногах новичок.

– Вы уверены, курсант Кросс? – многозначительно переспросила профессор Диккенс, давая всем возможность одуматься и сознаться в нарушении устава академии.

– Он уверен, Матильда, – досадливо покачав головой и заложив руки за спину, ответил профессор Фром. – Видишь ли, мы имеем дело с принципами Ищущих. Когда у них случается перепалка, они никогда не жалуются руководству или дежурным преподавателям. Этому принципу лет больше, чем нам с тобой вместе взятым. – Он снова улыбнулся, на этот раз с прежним азартом. – Благо, я уже давно не Ищущий, так что могу нарушить устав родного потока. – Фром внимательно посмотрел на Себастьяна и Эльмана. – Курсанты Штольц и Веллер решили научить курсанта Кросса манерам и унизить его, чтобы он не раздражал их своим трепетным желанием учиться на другом потоке.

Матильда Диккенс прищурилась так, как будто не поняла, что Фром имел в виду, однако, взглянув на Малкольма, склонила голову.

– Это так, курсант Кросс? – спросила она.

Малкольм поморщился и отвел взгляд.

– А когда Ищущие понимают, что отрицать очевидное глупо, они просто молчат, – вздохнул Фром. – Уверяю тебя, мы имеем дело именно с такой ситуацией. Мне может потребоваться некоторое время на восстановление деталей произошедшего, но в общей картине я не ошибся. У меня много опыта в таких делах.

Матильда Диккенс обстоятельно выслушала коллегу и снова повернулась к Малкольму.

– Согласно уставу академии, за избиение сокурсника курсант может быть исключен по решению ректора. Если курсант Кросс подаст жалобу, разумеется, – сказала она.

В глазах Себастьяна и Эльмана мелькнул одинаковый ужас, припорошенный отчаянием.

Малкольм посмотрел на них. На миг он даже почувствовал легкое злорадство, однако от боли оно тут же увяло, и ему стало безразлично, насколько напуганы его новые соседи.

– Я не стану подавать жалобу, – с трудом произнес он.

Фром разочарованно поджал губы. Матильда Диккенс склонила голову в другую сторону.

– Крайне неблагоразумное решение с вашей стороны, курсант Кросс, – сказала она.

– Простите, профессор. Я не договорил, – вяло перебил Малкольм. Он перевел дух, успев искоса взглянуть на своих соседей. В голове снова всплыли рекомендации помощника декана, и он решил, что самое время начать следовать его советам. – Я не стану подавать жалобу *сегодня*. Но могу ли я попросить вас обоих быть моими свидетелями? Если ситуация… повто-

рится, я обращусь в ректорат. Могу ли я просить вас в этом случае подтвердить то, что вы сегодня видели?

Матильда Диккенс, к удивлению всех присутствующих, позволила себе намек на улыбку. Профессор Фром не постеснялся осклабиться.

– Разумеется, – одобрительно произнесла профессор Диккенс и тут же посерьезнела. – Хотя я настаиваю на том, чтобы обратиться в ректорат прямо сейчас. Если этого не сделаете вы сами, я все равно обязана докладывать о подобных инцидентах, как дежурный преподаватель.

– Я попрошу тебя этого не делать, Матильда, – покачал головой Фром, который больше не выглядел разочарованным. – Пожалуйста, придержи эту информацию до момента, когда курсант Кросс обратится к нам с такой просьбой. Велик шанс, что ждать придется не очень долго.

Эльман и Себастьян переглянулись. Они все еще стояли, вытянувшись и не решаясь пошевелиться.

– Что это значит? – осмелился спросить Эльман.

– А то, что вы знатно влипли, господа курсанты, – хохотнул Фром.

– Выбирай выражения, Хайнрих, – поморщилась Матильда Диккенс. – Что за молодежный язык?

Фром лишь кивнул в ответ на ее замечание. Похоже, оно нисколько его не тронуло. Даже сквозь боль Малкольм удивился тому, насколько Фром проникся его положением. Казалось, от возможности наказать тех, кто издевается над сокурсниками, он переживал личный триумф. Как следует поразмыслить над тем, почему это происходит, у Малкольма не хватало сил.

– Похоже, теперь ваша судьба в руках курсанта Кросса, – преисполнившись прежней спокойной доброжелательности, начал объяснять Фром. – Он не станет способствовать вашему исключению из академии за *сегодняшнее* происшествие. Однако если такое произойдет снова – с вашим участием или без него – он подаст несколько жалоб ректору фон Бергеру, заручившись свидетельскими показаниями двух преподавателей, и вас исключат вместе с теми, кто проявит к курсанту Кроссу агрессию в будущем.

Себастьян возмущенно распахнул рот.

– Что? Но… – он запнулся, не придумав достойного аргумента.

– В ваших интересах убедить остальных сокурсников в том, что учить курсанта Кросса морали и этике вашего потока *не нужно*, – нарочито дружественно пояснил Фром. Не став дожидаться, пока Штольц и Веллер придут в себя от шока, он кивнул Малкольму в сторону двери.

– А нам с вами, курсант Кросс, лучше прогуляться до лазарета. Я так понимаю, кровь на полу ваша, а раз видимых порезов у вас нет, повреждения могут быть серьезными. Вас необходимо поместить под наблюдение докторов. – Он обернулся и одарил Штольца и Веллера приветливой улыбкой. – Доброй ночи, курсанты. Встретимся на занятиях по печатям.

Малкольм послушно заковылял в сторону двери вслед за профессорами, не посмотрев на своих новых соседей.

Глава 7

Выйдя в коридор, Малкольм почувствовал слабость и оперся на стену, чтобы не упасть. На лице выступил холодный пот, намокшие темные волосы липли ко лбу, но смахнуть их не было сил. Малкольм буквально чувствовал, как кровь отливает у него от лица. Боль в боках и груди усилилась. Сознание казалось спутанным и будто поплывшим. Вдыхать было больно и тяжело, иногда к груди подбирались приступы кашля, но Малкольм старался сдерживать их, помня о крови на полу комнаты. До него медленно доходило, что травмы от избиения могут быть посерьезнее, чем ушибы и даже трещины в костях, но у него не находилось сил даже на испуг.

Стоя у стены и стараясь сохранить остатки сознания, Малкольм прислушивался к тому, что говорили Матильда Диккенс и Хайнрих Фром, остановившиеся в коридоре, чтобы обсудить произошедшее в комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.